

The Big Book

Линкольн Чайлд

Лед-15

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чайлд Л.

Лед-15 / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус», 2009 — (The Big Book)

Затерянная в арктических широтах база «Фир», некогда принадлежавшая военному ведомству США, дала временный приют нескольким ученым, интересующимся проблемами глобального потепления, в том числе палеоэкологу Эвану Маршаллу, биологу-эволюционисту Райту Фарадею и Джерарду Салли, климатологу. Обследовав ледник, они совершили открытие, которое могло бы стать мировой сенсацией, но вместо этого послужило причиной целой череды трагических происшествий. На взгляд Усугука, шамана племени тунитов, белые люди разбудили древнее зло, посетив запретные места и выпустив бессмертный и опасный дух, доселе погребенный ледником. С точки зрения ученых, они имеют дело с неизвестным ранее животным, обладающим не встречавшимися доселе характеристиками. Исследователь же неведомого профессор Логан полагает, что люди встретились с существом внеземного происхождения. Кто из них прав? Или правы все, каждый по-своему?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Чайлд Л., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Пролог	6
1	8
2	11
3	14
4	17
5	22
6	26
7	31
8	34
9	36
10	41
11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Линкольн Чайлд

Лед-15

Посвящается Веронике

В начале двадцатого века в Сибири был обнаружен труп так называемого Березовского мамонта. Почти неповрежденное тело животного, погребенное в толще наносного гравия, находилось в сидячем положении. У мамонта была сломана передняя нога, вероятно из-за падения с близлежащего утеса десять тысячелетий назад. Сохранилось содержимое желудка, а также трава и соцветия, застрявшие в зубах. Мясо оказалось съедобным, но, по имеющимся сведениям, невкусным.

Никто до сих пор так и не сумел удовлетворительно объяснить, каким образом Березовский мамонт и другие животные, найденные в арктических льдах, могли замерзнуть до того, как их сожрали тогдашние хищники.

Дж. Холланд. Научный форум, Аляска

Lincoln Child
TERMINAL FREEZE
Copyright © 2009 by Lincoln Child
All rights reserved

© К. Плешков, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Пролог

Когда стало темнеть и в морозном небе одна за другой зажглись звезды, Усугук неслышно, как лис, приблизился к кучке слепленных из снега хижин. С утра мело, и старейшину селения окружала теперь серо-белая арктическая пустыня, простиравшаяся во все стороны до ледяной линии горизонта. То тут, то там из-под выброшенного на мир покрывала проступали черные ребра навсегда и насквозь промерзшей земли, похожие на кости древних зверей. Ветер усиливался, и колкая крупа секла щеки, набиваясь под меховой капюшон парки. Раскиданные вокруг иглу были мрачны, как могильники.

Но Усугук не обращал на все это никакого внимания. Он ощущал лишь всепоглощающий благоговейный ужас, заставлявший быстрее биться сердце.

Когда он вошел в свою хижину, собравшиеся вокруг костра, питаемого сухим мхом, женщины, все как одна, встрепенулись. Во взглядах, обращенных к нему, сквозила боязнь.

– Мокток э инкарток, – сказал он. – Настало время.

Не говоря ни слова, женщины дрожащими руками собрали свои незатейливые орудия. Костяные иглы вернулись в мешочки, скребки и ножи для выделки шкур нырнули под парки. Одна из женщин, жевавшая, чтобы размягчить, сапоги из тюленьей кожи, заботливо завернула их в грубую ткань. Затем все они встали и поочередно выскользнули через служившую дверью дыру. Последней шла Нулата, склонив голову от стыда и от страха.

Шкура карибу вновь упала, скрыв дыру-вход, а заодно и вид на кучку иглу и на пустынную ледяную поверхность замерзшего озера, уходившую к опускавшемуся за горизонт солнцу. Несколько мгновений Усугук стоял, пытаясь забыть о тревоге, навалившейся на него, подобно тяжелой меховой шубе.

Наконец он повернулся. Нужно было еще многое сделать, а времени оставалось мало.

Торопливо пробравшись в заднюю часть иглу, шаман отбросил в сторону грудку шкур, под которыми обнаружился ящичек из блестящего черного дерева. Осторожно поставив шкатулку перед костром, Усугук достал из-под тех же шкур бережно сложенное ритуальное одеяние – амаути. Стащив через голову парку, он влез в него, позвякивая замысловато переплетенными бусами, затем сел, скрестив ноги.

Он сидел так с минуту, поглаживая шкатулку пальцами, сильно иссохшими за долгую жизнь. Откинув крышку, старейшина вынул один из лежавших внутри амулетов, ощущая исходящую от него силу и чутко прислушиваясь к тому, что тот говорит ему, а затем положил вещь обратно. Так он перебрал все предметы, постоянно чувствуя страх, таившийся где-то глубоко внутри его, подобно непереваренному китовому жиру. Усугук хорошо знал, что предвещает жуткое знамение, свидетелями которого стали все обитатели здешних мест. До сих пор такое на памяти его племени случалось только единожды, много поколений назад, хотя рассказы об этом событии, из года в год звучавшие у костров в заснеженных иглу, по-прежнему повергали людей в столь сильный трепет, как будто оно произошло лишь вчера.

Однако на сей раз готовая обрушиться на племя кара пугающе не соответствовала преступлению.

Усугук глубоко вздохнул. Все рассчитывали на него, все ожидали, что он восстановит правильный ход вещей и вернет в мир порядок. Но это было тяжелой задачей. Численность племени уменьшилась так, что постепенно осталась лишь горстка тех, кто мог передать ему старое тайное знание. И даже они уже ушли в страну духов. Тайным знанием владел теперь только он.

Пошарив в складках амаути, он достал пук сухих трав, тщательно перевязанный стеблем арктического бальзамина, и возложил его на огонь. Поднялись облака серого дыма, наполняя снежную хижину запахами древнего леса. Медленно и торжественно Усугук

стал извлекать из шкатулки хранившиеся там предметы, располагая их полукругом перед костром. Кончик клыка редкого белого моржа, пойманного и убитого его прапрапрадедом, камень цвета летнего солнца в форме головы росوماхи, рог карибу, ритуально разрезанный на двадцать одну часть, каждую из которых украшали замысловатые узоры из крошечных выемок, заполненных охрой.

Последней старик достал маленькую человеческую фигурку, сделанную из оленьей кожи, слоновой кости и шерстяной ткани. Он поместил ее в центр полукруга, после чего склонился над ней, упершись ладонями в пол и опустив подбородок на грудь.

– Могучий Куук’джуаг, – нараспев произнес Усугук. – Великий Охотник морозной пустыни, защитник людей. Отведи от нас свой гнев. Уходи обратно в лунный свет. Вернись на путь мира.

Снова выпрямившись, он протянул руку к первому амулету, чуть подвинув его ближе к фигурке. Положив ладонь на клык, он наполовину пропел, наполовину проговорил испугательную молитву, прося Куук’джуага смягчить свое сердце.

Прегрешение случилось вчера. Занимаясь повседневной работой, Нулата ненароком коснулась сухожилиями карибу мяса тюленя. Она устала и плохо себя чувствовала, что вполне объясняло оплошность. Но тем не менее свершилось запретное, осквернившее мертвых животных, духовно противостоявших друг другу. И Куук’джуаг ощутил их недовольство, о чем тут же дал знать прошлой ночью маленькому племени Усугука.

Молитва длилась десять минут. Затем, медленно и осторожно, Усугук переместил сморщенную руку к следующему предмету и снова заговорил нараспев.

Потребовалось два часа, чтобы завершить весь обряд. Наконец, в последний раз склонившись перед Куук’джуагом, старик произнес прощальную молитву, затем распрямил ноги и с трудом встал. Если все прошло хорошо – если он провел ритуал точно так же, как это делали предки, – проклятие будет снято и Охотник умерит свой гнев. Он обошел вокруг костра, двигаясь сперва в одну сторону, затем в другую. А после, присев подле шкатулки, принялся складывать в нее все предметы, начиная с фигурки, на вид совсем маленькой, но источавшей великую мощь.

Внезапно он услышал доносившиеся из-за полога крики – рыдания, вопли, голоса, полные отчаяния и горя.

Усугук быстро встал, чувствуя, как страх леденит его сердце. Набросив парку, он откинул шкуру карибу и вышел наружу. Там стояли женщины, которые рвали на себе волосы, показывая на небо.

Посмотрев туда, он глухо застонал. Ужас, отступивший во время успокаивавших душу молений, опять охватил все его существо. Они вернулись... и выглядело это куда хуже, чем прошлой ночью. Намного хуже.

Обряд не помог.

Однако затем Усугук понял и еще кое-что... с жуткой уверенностью, от которой его пробрала дрожь. Дело было не в том, что совершила Нулата или кто-то другой. Вряд ли Куук’джуаг рассердился бы так из-за случайного святотатства. Лишь нарушение самого серьезного из всех запретов могло вызвать подобный гнев духов. И Усугука, как и его несчетных предшественников, предупреждали о том.

Не только предупреждали – Усугук и сам знал. Ибо видел...

Он посмотрел на женщин. Все они в страхе таращились на него.

– Собирайтесь, – сказал Усугук. – Завтра мы уходим на юг. К горе.

1

– Эй, Эван! Обедать будешь?

Эван Маршалл отпихнул в сторону плохо застегивавшийся мешок и встал, потирая намятые бедра. Последние полтора часа он, уткнувши нос в землю, собирал образцы ледниковых отложений, и ему потребовалось какое-то время, чтобы заново сфокусировать взгляд. Голос принадлежал Салли, и Маршалл теперь различил его – плотненького, слегка полного коротышку в меховой парке, стоявшего со скрещенными на груди руками в тридцати ярдах выше по склону. Позади ухмылявшегося крепыша голубел, уходя ввысь, язык ледника, весь в белых линиях трещин. Огромные глыбы льда, разбросанные вдоль его нижней линии, напоминали чудовищные алмазы, между ними темнели кинжальные выбросы древней лавы. Маршалл открыл было рот, вознамерившись выбрать олуха, опять беспечно забравшегося туда, куда забираться не надо. Ледник Фир при всей своей красоте сделался смертельно опасен, поскольку с потеплением климата его толща стала обваливаться большими кусками, которые в непредсказуемых направлениях неслись вниз. Однако Джерард Салли весьма кичился своим статусом руководителя экспедиции и не терпел, когда его поучали, поэтому Маршалл лишь покачал головой:

– Пожалуй, обойдусь, спасибо.

– Как хочешь. – Салли повернулся к Райту Фарадею, биологу-эволюционисту, возившемуся чуть ниже по склону. – А ты, Райт?

Фарадей посмотрел вверх; его водянисто-голубые глаза казались странно увеличенными в толстых линзах очков, забранных в черепаховую оправу. С шеи ученого на широком ремне свисала цифровая камера.

– Нет, – нахмурившись, сказал он, словно сама мысль о перерыве посреди рабочего дня представлялась ему еретической.

– Что ж, можете помирать с голоду, если хотите. Только не просите меня что-нибудь вам принести.

– Даже мороженого? – спросил Маршалл.

Салли изогнул в улыбке тонкие губы. Он был из наполеончиков и прямо-таки излучал непрошибаемое самодовольство, особенно раздражающее Маршалла. С ним еще можно было мириться в университете, где Салли словно бы растворялся в сонме столь же самоуверенных молодцов, но здесь, в царстве льдов, где друг от друга просто некуда деться, его повадки злили все больше. Возможно, надо бы радоваться тому, что через две-три недели экспедиция завершится.

– Выглядишь усталым, – сказал Салли. – Опять всю ночь где-то шлялся?

Маршалл кивнул.

– Будь осторожнее. Можешь провалиться в лавовую расщелину и там замерзнуть.

– Ладно, мамочка. Я это учту.

– Или наткнешься на белого мишку, а то еще на кого-то.

– Может, оно и к лучшему. Я соскучился по хорошему обществу.

– Я не шучу, ты ведь отказываешься брать ружье в свои рейды.

Маршаллу не понравилось направление, которое начинал принимать разговор.

– Послушай, если увидишь Ана, скажи ему, что у меня тут полно образцов, какие нужно бы дотащить до лаборатории.

– Обязательно. Он зарыдает от счастья.

Маршалл хмуро посмотрел вслед климатологу, который уже миновал его, спускаясь по усыпанной камнями тропинке к подошве горы, где располагалась их база, принадлежавшая, правда, не им, а правительству США. Система дальнего обнаружения «Маунт-Фир»,

снятая с вооружения около полувека назад, представляла собой низкое серое приземистое строение, увенчанное радарными и прочими рудиментами холодной войны. Вокруг расстился насквозь промерзший ландшафт, созданный миллионы лет назад выплесками вулканической лавы и весь испещренный такими провалами и расщелинами, словно тут в судорогах разрывалась сама земная кора. Во многих местах изломы скрывали большие напластования снега. Здесь не было ни дорог, ни других зданий, ни каких-либо живых существ. Одна лишь пустыня, столь же враждебная, чуждая и непонятная, как если бы она находилась где-нибудь на Луне.

Потянувшись, Маршалл еще раз окинул взглядом зловещий пейзаж. Даже после месяца напряженных исследований ему все не верилось, что на планете могут существовать столь безжизненные пространства. Впрочем, и всей их экспедиции уже изначально сопутствовало ощущение некоей нереальности. Казалось невероятным, что такая именитая медиакорпорация, как «Терра-Прайм», одобрит заявку на грант четверых ученых из университета Северного Массачусетса, которых ничто не объединяло, кроме интереса к проблеме глобального потепления. Казалось невозможным, что правительство даст им, пусть даже со строгими ограничениями и за значительную арендную плату, разрешение на использование базы «Фир». И уж никто вообще не мог и представить, что само потепление вдруг примется проявлять себя столь эффектно, причем с головокружительной и пугающей быстротой.

Вздыхнув, он возвратился к насущным заботам. Колени его болели после часов ползания по морене в поисках образцов. Пальцы и нос жутко мерзли. И вдобавок ко всему холодный мелкий и мокрый снег проникал сквозь три слоя одежды, добираясь до голого тела. Однако дни были коротки, а сроки уже поджимали. Маршалл прекрасно осознавал, как быстро пробегут две недели. Можно поголодать. Еды, и вкуснейшей, будет полно потом в Вуберне, штат Массачусетс, как и времени, чтобы ею насладиться.

Повернувшись, чтобы забрать мешки с образцами, он снова услышал голос Фарадея:

– Пять лет назад, даже два года, я никогда в такое бы не поверил. Дождь.

– Это не дождь, Райт. Это мокрый снег.

– Что в лоб, что по лбу. Дождь в зоне перед самой зимой? Невероятное дело.

Зоной именовалась широкая полоса на северо-востоке Аляски, зажата между Арктическим национальным заповедником с одной стороны и Юконским национальным парком Иввавик – с другой. Край этот был столь холоден и пустынен, что никто не хотел им заниматься, ибо температура там едва поднималась выше нуля в считанные месяцы года. Много лет назад правительство сделало его федерально управляемой природной территорией и быстро позабыло об этом. «Вероятно, – подумал Маршалл, – на всех двух миллионах акров этого ледяного безмолвия сейчас находится не больше двадцати человек...» Пятеро – их собственная научная группа, четверо – персонал базы, потом небольшое индейское племя и, возможно, пара-тройка диких туристов, тех, что в погоне за острыми ощущениями лезут в самую гиблую глушь. Казалось странным, что дальше к северу обреталось еще меньше народу, чем в их маленьком экспедиционном мире.

Неожиданный грохот, похожий на пушечный выстрел, сотряс ледяную равнину. Громовой звук, нарушив глубокую тишину, подобно теннисному мячу эхом проскакал по расщелинам и раскатился по раскинувшейся внизу тундре, постепенно затихая в бескрайней дали. Ледовая толща над исследователями обрушилась, добавив тонны спрессованного замерзшего снега к грудам обломков, скатившихся раньше и громоздившихся в конце голубого, спускавшегося с вершины горы ледника. Маршалл почувствовал, как у него неприятно сжалось сердце. Сколько бы раз он ни слышал эти раскаты, его всегда охватывал безотчетный страх.

Фарадей кивнул вверх:

– Видал? Именно это меня и тревожит. Равнинный ледник, подобный Фиру, должен сокращаться в размерах до тонкого ледяного пласта с минимумом талой воды и значительной зоной фильтрации. Но этот обрушивается, словно прибрежный ледник. Я замерял скорость таяния...

– Это работа Салли, а не твоя.

– ...и она выходит за пределы нормы. – Фарадей покачал головой. – Дождь, беспрецедентное таяние... и не только. Например, северное сияние в последние ночи. Заметил?

– Конечно. Оно стало одноцветным... но выглядит впечатляюще. И необычно.

– Необычно, – задумчиво повторил Фарадей.

Маршалл не ответил. Он знал по опыту, что в любой, даже маленькой экспедиции всегда обнаруживается человек, начинающий предвещать одни беды. Типа Кассандры. Райт Фарадей, с его выдающейся эрудицией, пессимистичным взглядом на жизнь, мрачными теориями и жуткими заключениями, как нельзя более отвечал этой роли. Маршалл искоса посмотрел на биолога. Несмотря на то что он знал его по университету и уже месяц провел с ним на морене, для него по-прежнему оставалось загадкой, чем тот по-настоящему дышит и к чему устремлен.

«И тем не менее, – думал Маршалл, регистрируя образцы, а потом измеряя и фотографируя места их сбора, – Фарадей прав». Именно потому он и сам поторапливался. Ледник был почти идеальным объектом для палеоэкологических изысканий. Во время своего формирования, накапливая снег, он вбирал в себя органические следки окружающего его мира – пыльцу, растительные волокна, останки животных. Позднее, когда, медленно тая, ледник начинал отступать, он аккуратно возвращал свои секреты. Прекрасный подарок для вдумчивого исследователя, сокровищница из прошлых веков.

Вот только отступление этого ледника нельзя было назвать ни медленным, ни аккуратным. Он распадался на куски с внушающей тревогу стремительностью... и забирал с собой свои тайны.

Словно в подтверждение его мыслей, сверху опять донесся оглушительный грохот и вниз скатилась огромная лавина. Маршалл посмотрел туда, ощущая досаду и раздражение. На этот раз обвалилась куда большая часть снеговой толщи. Вздохнув, он нагнулся к своим образцам, но тут же снова повернулся к горе. Среди ледяных глыб наверху можно было различить часть обнажившейся поверхности склона. Прищурившись, он несколько мгновений ее разглядывал, затем крикнул Фарадею:

– У тебя есть бинокль?

– Разумеется.

Маршалл подошел к нему. Биолог рукой в толстой перчатке достал из кармана прибор. Маршалл взял его, подышал на линзы, протер их и направил бинокль в сторону ледника.

– Что там? – спросил Фарадей, не в силах скрыть любопытство. – Что ты высмотрел?

Маршалл облизнул губы и опять уставился на то, что открыл обрушившийся с горы лед.

– Там пещера.

2

Час спустя они стояли близ груды ледяных обломков, скатывавшихся с ледника Фир. Холодный дождь прекратился, и слабое солнце пыталось пробить своими лучами серо-стальные тучи. Маршалл энергично потер руки, надеясь согреться, и окинул взглядом топтавшихся рядом людей. Вернулся Салли, приведя с собой аспиранта Ана Чена. За исключением обслуживающей компьютеры Пенни Барбур, на морене теперь собралась вся экспедиция – в своем полном составе.

Прямо перед ними в оголившейся части горы зияло отверстие. Маршаллу оно напомнило жерло чудовищной пушки. Салли разглядывал дыру, рассеянно покусывая нижнюю губу.

– Почти идеальный круг, – сказал он.

– Гора Фир вся пронизана такими ходами, – заметил Фарадей.

– У подножия – да, – ответил Маршалл. – Но для такой высоты это крайне необычно.

Внезапно примерно в полумиле от них снова грянули орудийные залпы и обвалилась еще одна часть ледника, осыпавшись вниз голубыми глыбами величиной с сельский дом и подняв облако блестящих осколков. Чен вздрогнул от неожиданности, а Фарадей прикрыл уши. Маршалл поморщился, почувствовав, как гора содрогнулась у него под ногами.

Эхо стихло лишь через две минуты. Наконец Салли что-то проворчал и перевел взгляд на Чена.

– Видеокамеру взял?

Чен кивнул, похлопав по висевшей на плече сумке со снаряжением.

– Включи ее.

– Ты же не собираешься туда войти? – спросил Фарадей.

Вместо ответа Салли выпрямился во весь свой рост, втянул живот и поправил капюшон парки, готовясь предстать перед объективом.

– Не слишком хорошая мысль, – продолжал Фарадей. – Ты же знаешь, насколько хрупкой может быть лава.

– Это еще не все, – добавил Маршалл. – Разве ты не видел, что только что произошло? Лед в любую минуту может снова обрушиться и завалить вход.

Салли нерешительно посмотрел на пещеру.

– Но ведь они хотят от нас именно этого.

Под словом «они» подразумевались директора «Терра-Прайм», посвященного науке и природе кабельного телеканала, спонсировавшего экспедицию.

Салли перчаткой потер подбородок.

– Эван, Райт, вы можете остаться. Ан пойдет со мной вместе с камерой. Если что-то случится, вызывайте вояк, чтобы выковыривали нас оттуда.

– К черту, – тотчас же ухмыльнулся Маршалл. – Если вы найдете спрятанное сокровище, я тоже хочу свою долю.

– Ты сам сказал. Это небезопасно.

– Еще больше причин для того, чтобы с вами отправился кто-то еще, – ответил Маршалл.

Салли вызывающе выпятил нижнюю губу. Маршалл ждал. Наконец климатолог сдался.

– Ладно. Райт, мы постараемся как можно скорее вернуться.

Фарадей моргнул своими водянисто-голубыми глазами, но промолчал.

Страхнув с парки хлопья снега, Салли откашлялся и бросил осторожный взгляд на ледяной фронт, затем расположился перед камерой.

– Мы стоим на поверхности ледника, – произнес он доверительно-театрально. – Отступающий лед обнажил пещеру, приютившуюся на боку горы. Сейчас мы готовимся к тому, чтобы ее исследовать.

Он сделал эффектную паузу, затем дал знак Чену остановить запись.

– Ты в самом деле только что сказал «приютившуюся»? – спросил Маршалл.

Салли не обратил на подначку внимания.

– Пошли, – сказал он, доставая из кармана парки большой фонарь. – Ан, веди за мной камеру, пока мы идем.

Он двинулся вперед, и долговязый Чен послушно последовал сзади. Маршалл достал свой фонарь.

Они медленно и осторожно перебрались через снежное поле, заваленное обломками льда. Некоторые из льдин были размером с кулак, другие не влезли бы в спальню. В слабом свете солнца эти глыбы сияли на фоне бледно-голубого октябрьского неба. Мимо текли ручейки талой воды. Потом всех троих накрыла тень ледника, и Маршалл с тревогой посмотрел на широкую белую толщу, но ничего не сказал.

Вблизи вход в пещеру выглядел еще чернее. Повеяло холодом, наполовину обмороженный нос Маршалла заныл. Как и говорил Салли, дыра была почти круглой – типичная вторичная отдушина потухшего вулкана. Ледник отполировал окружавшую ее лавовую поверхность почти до зеркального блеска. Салли посветил в черноту фонарем, затем повернулся к Чену:

– Пока выключи.

– Ладно.

Аспирант опустил камеру.

Салли немного помолчал, затем посмотрел на Маршалла.

– Фарадей не шутил. Вся эта гора – одна большая груда потрескавшейся лавы. Будь внимательней. Если что – немедленно возвращаемся.

Оглянувшись на Чена, климатолог кивнул, давая знак продолжать съемку.

– Мы входим, – произнес он в камеру, затем повернулся и шагнул во мрак.

Хотя пещера была высотой футов в десять, но Маршалл инстинктивно пригнулся, ступая под свод. Он шел за Ченом. Пологий спуск вел прямоком внутрь горы. Они осторожно продвигались вперед, освещая лучами фонарей лавовые стены. Здесь было даже холоднее, чем на ледяном поле, и Маршалл плотнее запахнул капюшон парки.

– Стойте, – сказал он.

Взгляд его поймал тонкую трещину в застывшей лаве. Он повел лучом вдоль нее по всей длине, затем осторожно потрогал рукой.

– Выглядит прочно.

– Тогда идем дальше, – отозвался Салли. – Только не торопясь.

– Удивительно, как этот туннель до сих пор не обрушился под весом ледовой массы, – заметил Чен.

Они продолжали углубляться в пещеру, разговаривая негромко, почти шепотом.

– Под снежком тут слой льда, – минуту спустя сказал Салли. – Тянется вдоль всего пола. Удивительно ровный.

– Мы уходим все глубже, – ответил Маршалл. – Возможно, начиная с какого-то места, этот ход вообще заполнен водой.

– Наверняка замерзшей, – сказал Салли, – поскольку...

Но в это мгновение ноги его разъехались, и он, ошеломленно вскрикнув, тяжело рухнул на лед.

Маршалл съежился, чувствуя, как душа уходит в пятки, и ожидая, что на них вот-вот обвалится свод. Но когда ничего не случилось и он понял, что Салли не пострадал, тревога его сменилась весельем.

– Ты ведь снял это, Ан?

Аспирант широко улыбнулся, несмотря на внезапную бледность, залившую его щеки.

– Конечно.

Салли с трудом поднялся на ноги, хмуро стряхивая снег с колен и всем своим видом выражая недовольство.

– Мы не шутки тут шутим, Эван. Пожалуйста, помни об этом.

Они пошли дальше, двигаясь еще медленнее, чем прежде. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь похрустыванием ледка под ногами. Справа и слева монотонно тянулись одинаково темные ровные стены хода, уводящего вглубь древней лавовой толщи. Салли по-прежнему шел впереди, стряхивая снег с сапог и освещая путь лучом фонаря.

Чен взгляделся в царивший впереди мрак.

– Похоже, дальше... выход из пещеры.

– Это хорошо, – ответил Салли, – поскольку лед все поднимается, и...

Неожиданно он снова упал. Но на этот раз Маршалл мигом понял, что климатолог не поскользнулся, а повалился от изумления. Салли отчаянно разгребал снег ногами, пытаясь осветить фонарем то, что таится под ним. Чен, забыв на время о камере, опустился рядом со своим научным руководителем на колени. Маршалл быстро шагнул вперед, вглядываясь в лед.

Когда он увидел то, что обнаружил Салли, его обдало холодом, не имевшим никакого отношения к температуре воздуха вокруг них. Из-под льда на него смотрели два глаза величиной с кулак – желтые, с черными овальными зрачками.

3

Спуск с горы, в отличие от подъема, проходил в полном молчании. Маршалл догадывался, о чем все думают. Их открытие полностью меняло ход до сих пор вроде бы малопримечательной и даже заурядной экспедиционной вылазки на ледник. Что именно переменится и каким образом, никто из исследователей сказать не мог. Но все понимали, что с этого момента все пойдет по-другому.

И в то же время он знал, что каждый задает себе один и тот же вопрос: «Что это, черт возьми, было?»

Первым молчание нарушил Салли:

– Нужно будет взять образцы льда для анализа.

– Как по-вашему, давно оно там? – спросил Чен.

– Фир – ледник второй морской изотопной стадии, – ответил Маршалл. – Он похоронил под собой эту пещеру как минимум двенадцать тысяч лет назад. А может быть, и намного раньше.

Снова наступила тишина. Солнцу наконец удалось пробиться сквозь низко висящие тучи, и, опускаясь к горизонту, оно заливало снежный наст яркими ослепляющими лучами. Маршалл рассеянно достал из кармана солнечные очки и водрузил их на нос, думая о бездонной черноте мертвых глаз подо льдом.

– Который сейчас час в Нью-Йорке? – вдруг спросил Салли.

– Половина девятого, – ответил Фарадей.

– Все уже разошлись по домам, попробуем завтра с утра. Ан, можешь обеспечить, чтобы спутниковая связь заработала еще до завтрака?

– Конечно, но мне придется обратиться к Гонсалесу за свежими батареями, потому что...

Чен не договорил. Подняв взгляд, Маршалл сразу же понял, почему замолчал аспирант.

Длинное низкое сооружение, до которого оставалось сотни три ярдов, в лучах заходящего солнца выглядело особенно угрюмо и мрачно. Они огибали ледник по плавной кривой, и за защитными ограждениями уже завиднелся главный вход на территорию комплекса «Фир». На каменной площадке между будкой охраны и центральными воротами стояла Пенни Барбур в джинсах и фланелевой клетчатой рубашке. Воздух был совершенно недвижен, и ее короткие каштановые лохмы свисали на лоб. Рядом с ней стоял Пол Гонсалес, сержант, ответственный за номинальное функционирование базы.

В этом не было бы ничего необычного, если бы их не окружали четыре фигуры в тяжелых парках, штанах из шкуры белого медведя и кожаных торбасах. Один из пришельцев держал в руках ружье, у остальных за спинами висели копья и луки. Даже не видя их лиц, Маршалл нимало не сомневался, что это индейцы из крошечного северного селения.

Ускоряя шаг, чтобы побыстрее добраться до места, Маршалл не мог точно понять, что его подгоняет – любопытство или тревога. Хотя ученые провели здесь уже месяц, никто из них доселе не сталкивался с индейцами. Собственно, об их существовании они знали лишь из болтовни охранявших базу солдат. Почему вдруг именно сегодня эти люди решили нанести им визит?

Когда исследователи миновали пустую будку охраны и подошли к воротам, все повернулись к ним.

– Эта компания постучалась к нам пару минут назад, – сказала Барбур. – Мы с сержантом вышли их встретить.

На ее простоватом дружелюбном лице отражалось легкое беспокойство.

Салли посмотрел на Гонсалеса:

– Подобное бывало раньше?

– Нет, – ответил Гонсалес, коренастый вояка сорока с лишним лет.

Он достал рацию, чтобы вызвать остававшихся на базе солдат, но Салли покачал головой:

– В этом нет никакой необходимости, верно?

Климатолог обратился к Барбур:

– Тебе лучше вернуться в тепло.

Он посмотрел ей вслед, затем откашлялся и повернулся к гостям.

– Не хотели бы вы заглянуть к нам? – сказал он, медленно выговаривая каждое слово и показывая на дверь.

Аборигены – три женщины, жавшиеся к единственному мужчине, – ничего не ответили. Маршалл заметил, что мужчина намного их старше. Лицо его было иссушено солнцем и стужей, но на нем выделялись удивительно чистые темно-карие глаза. Уши старца отягощали большие костяные серьги, покрытые фантастическими узорами, из меха воротника торчали перья, а на скулах виднелись темные татуировки. Гонсалес как-то сказал, что это племя живет очень просто, однако, глядя на примитивные копья и звериные шкуры, Маршалл понял, что даже не представлял себе, насколько проста эта жизнь.

Какое-то время стояла неловкая тишина, нарушаемая лишь гудением генераторов, расположенных неподалеку. Затем снова заговорил Салли:

– Вы пришли с севера? Это долгий путь, и вы наверняка устали. Чем мы можем вам помочь? Хотите чего-нибудь выпить или поесть?

Ответа не последовало.

Салли снова повторил сказанное, медленно и подчеркнуто, словно разговаривая со слабоумными:

– Хотите чего-нибудь выпить? Поесть?

Когда ответа снова не последовало, Салли вздохнул и отвернулся.

– Так мы ни к чему не придем.

– Вероятно, они не понимают ни слова из того, что вы им говорите, – сказал Гонсалес.

Салли кивнул:

– А на языке инуитов я говорить не умею.

– Тунитов, – сказал старик.

Салли быстро повернулся к нему:

– Прошу прощения, что?

– Не инуитов. Тунитов.

– Извините, я никогда раньше и не слыхивал о тунитах. – Салли слегка похлопал себя по груди. – Меня зовут Салли. – Он представил Гонсалеса и ученых. – А та женщина, которая вас встретила, – Пенни Барбур.

Старик коснулся груди:

– Усугук.

Женщин представлять он не стал.

– Рад познакомиться, – сказал Салли, как всегда играя роль лидера. – Так вы не против к нам заглянуть?

– Ты спрашивал, чем бы вы могли нам помочь, – ответил Усугук, и, к своему удивлению, Маршалл отметил, что старик говорит без акцента.

– Да, – столь же удивленно сказал Салли.

– Вы можете сделать нечто крайне важное. Уйти отсюда. Сегодня. И больше не возвращаться.

Слова его лишили Салли дара речи.

– Но... почему? – после некоторой паузы спросил Маршалл.

Старик показал на гору Фир:

– Это злое место. Ваше присутствие здесь угрожает всем нам.

– Злое? – придя в себя, повторил Салли. – Ты говоришь о вулкане? Он давно потух.

Тунит посмотрел на него, и в лучах закатного солнца тени морщин на темном лице обозначились резче, превратив его в маску отчаяния и тревоги.

– Почему злое? – спросил Маршалл.

Усугук не ответил.

– Вам не следует здесь находиться, – сказал он. – Вы проникли туда, где никому нельзя быть. И рассердили древних. Очень рассердили.

– Древних? – переспросил Салли.

– Обычно они... – Усугук поискал подходящее слово, – великодушны. – Взмахом руки он обвел базу. – В старые времена все, кто здесь жил, люди с ружьями и в мундирах, не покидали стен, которые возвели. Даже сегодня солдаты никогда не забредают в запретное место.

– Ничего не знаю ни о каких запретных местах, – проворчал Гонсалес. – Я просто предпочитаю держать свою задницу там, где тепло.

Усугук смотрел только на Салли.

– Вы другие. Вы осквернили землю, по которой не должен ступать ни один из живых. И древние рассердились так, как не сердились еще никогда. Их гнев окрашивает небо кровью. Небеса кричат от боли, словно женщина в родовых корчах.

– Не знаю, что ты подразумеваешь под «криком», – сказал Салли, – но странный цвет ночного неба – это всего лишь северное сияние. Его вызывает солнечный ветер, входящий в магнитное поле Земли. Цвет его действительно довольно странен, но такое наверняка бывало и раньше. – Салли теперь играл роль доброго отца семейства, наставлявшего маленького ребенка. – Атмосферные газы выделяют излишки энергии в виде света. Различные газы излучают фотоны с различной длиной волны.

Даже если Усугук и понял что-то из столь обстоятельного объяснения, он ничем этого не показал.

– Увидев, насколько разгневаны духи, мы сразу же отправились к вам. Мы шли без отдыха и без еды, пока не пришли сюда.

– Тогда тем более вам стоит зайти к нам, – сказал Салли. – Мы дадим вам еды и горячего чая.

– Почему гора – запретное место? – спросил Маршалл.

Шаман повернулся к нему:

– Разве ты не понимаешь? Ты же слышал, что я говорю. Гора – обитель тьмы. Вы должны уйти.

– Мы не можем уйти, – сказал Салли. – Пока. Но через две-три недели нас здесь не будет. А до тех пор даю тебе слово, что...

Но шаман уже глядел на своих спутниц.

– Аньок лубьяр туссарнек, – сказал он.

Одна из женщин начала громко плакать. Повернувшись, Усугук по очереди посмотрел на каждого из ученых, и на лице его отразилась такая смесь горечи и страха, что у Маршалла по спине проскользнул холодок. Достав из-под парки маленький мешочек, старик опустил в него палец и начертал на морозной земле несколько знаков темной густой жидкостью, которая не могла быть ничем иным, кроме крови. И наконец, произнеся нараспев несколько слов на своем родном языке, он побрел следом за женщинами, уже шагавшими прочь по насквозь промороженной тундре.

4

Два последующих дня с севера дул холодный ветер; небо очистилось, и стало морознее. На третий день за час до полудня Маршалл, Салли и Фарадей покинули базу и вышли на бескрайнюю равнину, уходящую к югу от горы Фир. Утро выдалось великолепное, на голубом арктическом небе не виднелось ни облачка. Промороженная земля под ногами была твердой как камень. Температура упала до минус восемнадцати градусов по Цельсию, и ледник, по крайней мере на какое-то время, перестал угрожающе трещать и стонать.

Тишину вдруг прервало неожиданное низкое гудение, звучавшее несколько приглушенно в холодной арктической атмосфере. Над южной чертой горизонта появилась точка. На их глазах она превратилась в вертолет, летевший на небольшой высоте прямо к ним.

Фарадей недовольно фыркнул:

– Мне все-таки кажется, что нам следовало несколько дней подождать. Зачем надо было сразу оповещать их?

– Такова договоренность, – ответил Салли, глядя на приближающийся вертолет. – Они должны знать о любых наших проблемах.

Фарадей, которого слова Салли явно не убедили, что-то невнятно пробормотал.

Салли хмуро посмотрел на биолога.

– Я же уже говорил. Если заключил сделку с дьяволом, не стоит сожалеть о последствиях.

Никто не ответил. Впрочем, ответа и не требовалось.

Университет Северного Массачусетса отнюдь не претендовал на первенство среди учреждений подобного рода. В условиях нехватки грантов его руководство избрало относительно новую тактику, обеспечивая финансирование экспедиций за счет медиакорпораций в обмен на исключительные права и доступ к результатам исследований. Хотя тема глобального потепления и не числилась в ряду модных, она относилась к весьма животрепещущим из насущных проблем. «Терра-Прайм» субсидировала их команду так же, как и несколько других. Например, группу, изучавшую туземную медицину в джунглях Амазонки, или еще одну, раскапывавшую предполагаемую могилу короля Артура. Делалось это медиаворотилами из расчета, что хотя бы одна из ставок окажется выигрышной и даст им возможность заполучить интересные документальные материалы, стоящие последующей разработки. Экспедиция на ледник ничего сногшибательного не сулила, и Маршалл со временем начал надеяться, что она пройдет тихо, не привлекая ничьего внимания. Надежды эти теперь были разбиты.

Ученые стояли тесной группой, глядя на вертолет, который сделал над лагерем круг и опустился на относительно ровный участок земли, вздымая лопастями снежную пыль. Открылась дверь пассажирской кабины, и из нее выпрыгнула стройная женщина лет тридцати в кожаной куртке и джинсах. Длинные черные волосы падали на воротник, слегка шевелясь от поднятого пропеллером ветра. Когда она наклонилась, чтобы взять свой багаж, Маршаллу бросились в глаза изящные очертания ее фигуры.

– Весьма симпатичный дьявол, – пробормотал он.

Взяв свои сумки, женщина, пригибаясь под вращающимися лопастями, направилась к поджидающим ее мужчинам. Обернувшись, она махнула рукой пилоту; тот показал ей большой палец. Вертолет, взревев двигателями, быстро взмыл в небо и устремился на юг, спеша вернуться туда, откуда примчался.

Ученые шагнули навстречу прибывшей. Салли снял перчатку и протянул руку.

– Я Джерард Салли, – сказал он. – Климатолог и руководитель команды. А это Эван Маршалл и Райт Фарадей.

Женщина обменялась с каждым рукопожатием, оказавшимся, как обнаружил Маршалл, вежливо-коротким, но крепким.

– А я – Кари Экберг, координатор из «Терра-Прайм». Поздравляю с открытием.

Салли взял одну ее сумку, Маршалл другую.

– Координатор? – спросил Салли. – Значит, вы у них главная?

Экберг рассмеялась:

– Это вряд ли. Среди декораций любой с блокнотом – уже координатор.

– Декораций? – переспросил Маршалл.

– По крайней мере, для нас.

Она остановилась и внимательно огляделась вокруг, словно оценивая место действия будущего спектакля.

– Вы слишком легко одеты для федерального заповедника, – сказал Маршалл.

– Сама вижу. Большую часть жизни я провела в Саванне, штат Джорджия. Самое холодное место, где я была до сих пор, – это Нью-Йорк в феврале. Придется попросить нашу группу привезти мне что-нибудь более подходящее.

– Как бы вы ни были одеты, ваше появление здесь – самое прекрасное из всего, что когда-либо происходило на этой базе, – заявил Салли.

Экберг прекратила осмотр окрестностей и окинула климатолога взглядом. Она ничего не ответила, лишь слегка улыбнулась, словно в одно мгновение оценив и комплимент, и льстеца.

Салли чуть-чуть покраснел и откашлялся.

– Может, все же пройдем к нам? Смотрите под ноги. Тут вся земля изрыта древними лавовыми ходами.

Он пошел впереди, что-то втолковывая молча слушавшему его Фарадею. Экберг, похоже, никак не восприняла неуклюжую попытку заигрывания с его стороны, чего Салли вполне хватило, чтобы утратить к ней всяческий интерес. Она шла рядом с Маршаллом.

– Мне любопытно, почему вы так выразились, – сказал Маршалл, – когда назвали окружающее декорациями.

– Я никого не хотела обидеть. Естественно, для вас это рабочая обстановка. А для нас – декорации. Это емкий и многое выражающий термин. Просто на таких съемках время решает все, а у нас его маловато. Кроме того, я уверена, что и вы не хотите, чтобы мы тут застряли надолго. Моя задача – раскрутить маховик.

– Раскрутить маховик?

– Выбрать подходящие точки, спланировать график работ. В общем, чтобы к прибытию продюсера и звезды все уже было готово.

Маршалла сказанное слегка удивило. Какой продюсер, какая звезда? Как и все прочие, он полагал, что «Терра-Прайм» пришлет одного человека, самое большее двух – кого-нибудь с камерой и кого-нибудь, кто будет время от времени перед ней маячить.

– То есть на вас свалена вся черная работа, а потом явятся большие шишки и присвоят всю славу?

Экберг рассмеялась чистым контральто, зазвеневшим над мерзлой землей.

– В общем, примерно так.

Они подошли к давно заброшенному посту охраны, и Экберг удивленно раскрыла глаза:

– Господи, я и понятия не имела, какая она огромная, ваша база.

– А что вы ожидали увидеть? – осведомился язвительно Салли. – Иглу или яранги из тюленьих шкур?

– Собственно, большая часть базы находится под землей, – объяснил Маршалл, пока они двигались вдоль ограждения. – Ее построили в естественной впадине из заранее собран-

ных секций, заполнив оставшееся пространство вулканической пемзой и мерзлым грунтом. Видимые части сооружения вмещают в себя в основном механические или технические системы – энергостанцию, радарные установки и прочее. Разработчики базы хотели сделать ее как можно более незаметной – вот почему ее построили в тени единственной горы на многие мили вокруг.

– Как давно база бездействует?

– Давно, – ответил Маршалл. – Около полувека.

– Господи. Тогда кто же ее поддерживает? Ну, знаете, чтобы туалеты работали и все такое.

– Правительство называет это «минимальным обслуживанием». Здесь этим занимается маленькое солдатское подразделение – трое парней из армейского инженерного корпуса под приглядом Гонсалеса. То есть сержанта Гонсалеса. Они следят за работой генераторов и исправностью электросети, поддерживают систему отопления, меняют электролампочки, проверяют уровень воды в цистернах. А теперь еще и нянчатся с нами.

– Полвека... – Экберг покачала головой. – Полагаю, именно потому они не артачились против сдачи ее нам в аренду.

Маршалл кивнул.

– И все-таки дядюшке Сэму пальца в рот не клади. С нас слупили больше ста тысяч долларов за одну только съемочную неделю.

– Слишком высока тут стоимость жизнеобеспечения, – важно пояснил Салли.

Экберг снова огляделась по сторонам:

– Но солдаты живут здесь все время?

– Они сменяются каждые полтора года. По крайней мере трое. Сержанту Гонсалесу, похоже, тут нравится.

Экберг покачала головой:

– Вот уж действительно человек, истинно тяготеющий к одиночеству.

Пройдя через тяжелые внешние двери, небольшой тамбур и длинную раздевалку, по обеим сторонам которой тянулись ряды шкафов для теплой одежды и снаряжения, они миновали еще одни двери и оказались в довольно большом помещении. Хотя база «Фир» бездействовала уже полвека, внутри ее до сих пор царил военная атмосфера – с американскими флагами, серо-стальным цветом стен и отсутствием каких-либо излишеств. Выцветшие, развешанные повсюду плакаты призывали неукоснительно соблюдать предписываемую командованием секретность. Коридоры слева и справа от входа уходили в крошечную темноту, однако центр хорошо освещался, как и некоторые отдельные уголки обширного вестибюля. В дальнем конце его за стеклянной панелью сидел человек, читавший книжку в мягкой обложке.

Маршалл заметил, как Экберг наморщила нос.

– Прошу прощения, – рассмеялся он. – Мне потребовалась неделя, чтобы привыкнуть к этому запаху. Кто мог бы подумать, что на арктической базе будет вонять, словно в трюме рыболовецкого судна? Идемте, представим вас.

Они подошли к стеклянной конторке.

– Тэд, – сказал Маршалл вместо приветствия.

Человек за стеклом – высокий и моложавый, с коротко подстриженными рыжими волосами, в форме рядового инженерного корпуса – кивнул в ответ.

– Да, доктор Маршалл?

– Это Кари Экберг, она представляет собой авангард съемочной группы. – Маршалл повернулся к Экберг. – Тэд Филипс.

Филипс с плохо скрываемым интересом оглядел женщину.

– Нам сообщили о вашем прибытии только сегодня утром. Мисс Экберг, не могли бы вы расписаться?

Он просунул блокнот в щель под стеклянной панелью.

Расписавшись в указанном месте, Экберг вернула блокнот. Филиппс отметил в нем время и дату, затем убрал его с глаз.

– Вы, доктор, все покажете даме, объясните, куда можно ходить, куда нет?

– Конечно, – ответил Маршалл.

Филиппс кивнул и, еще раз бросив взгляд на Экберг, вернулся к прерванному занятию. Салли первым прошел к находившейся неподалеку лестнице, и все стали спускаться.

– По крайней мере, здесь тепло, – сказала Экберг.

– Во всяком случае, на верхних уровнях, – ответил Салли. – Остальные законсервированы, туда спускается только обслуга.

– Что он имел в виду, когда говорил, что здесь не везде можно ходить?

– Там, куда мы сейчас направляемся, жили офицеры и оттуда же велось управление радарными установками, – сказал Маршалл. – Это маточная часть пятиступенчатой базы, и в ней у нас везде полный доступ – хотя ни у кого нет ни времени, ни желания ее обследовать. Нам также дозволено в ограниченной степени заглядывать в южное крыло базы, где находится большинство компьютеров и прочих приборов. Там жили солдаты, у нас есть допуск и на верхние уровни. В северное крыло у нас допуска нет.

– Что там?

Маршалл пожал плечами:

– Понятия не имею.

Они свернули в другой коридор, более длинный и лучше освещенный. У стен было свалено устаревшее оборудование всевозможных сортов, и выглядело оно так, словно его набросали тут в спешке. Здесь же стояли шкафы и висели различные указатели с надписями: «Радарная», «Командный пункт», «Кабина слежения и регистрации». Дальше по обе стороны коридора тянулись двери с маленькими зарешеченными окошками и табличками, на которых ничего не значилось, кроме мало что говорящих буквенных знаков и цифр.

– Здесь, на уровне «В», мы организовали наши временные лаборатории, – сказал Салли, показывая на двери. – Там впереди – кухня, офицерская столовая и зал для совещаний, который мы превратили во временную комнату отдыха. За тем поворотом – жилые помещения. Мы выделили свободное для вас.

– Благодарю, – буркнула Экберг. – И все-таки я не понимаю, зачем кому-то вообще понадобилась подобная база. Я имею в виду, на севере и в такой глухомани.

– Это ячейка системы раннего предупреждения, – сказал Маршалл. – Вы когда-нибудь слышали о линии Пайнтри, или линии дальнего радиолокационного обнаружения?

Экберг покачала головой.

– В тысяча девятьсот сорок девятом году Советы испытали действующую атомную бомбу. Нас это свело с ума – мы думали, что у нас есть еще как минимум пять лет, чтобы переиграть их. В панике наши яйцеголовые вдруг решили, что через несколько лет у русских будет достаточно бомб, чтобы уничтожить Соединенные Штаты. Началось усиление войск, авиации, вооружений, включая экстренную программу разработки оборонительной системы на внешних границах. После того как были защищены Тихоокеанское и Атлантическое побережья, стало ясно, что главная угроза исходит теперь от бомбардировщиков, способных летать через Северный полюс. Но радары тогда были крайне примитивны – они не могли обнаружить низко летящие самолеты, не умели заглядывать за горизонт.

– И потому им требовалось находиться как можно ближе к источнику возможной угрозы.

– Именно. Военные объединили усилия и определили наиболее вероятные пути следования русских бомбардировщиков. И на каждом из этих маршрутов были построены станции раннего предупреждения, выдвинутые как можно дальше на север. Это одна из таких станций. – Маршалл покачал головой. – Ирония заключается в том, что к концу пятидесятих, когда строительство завершилось, они уже устарели. В качестве средств доставки бомб вместо бомбардировщиков стали использоваться ракеты. Для борьбы с подобной угрозой требовалась централизованная сеть оборонительных комплексов, и с появлением новой системы «Сейдж» эти станции были законсервированы.

Свернув за угол, они попали в очередной коридор, мало чем отличавшийся от всех прочих. Салли остановился возле одной из дверей и толкнул ее, повернув ручку. Перед ними открылась спартанская комната с койкой, столом, шкафом и зеркалом. Большую часть пыли там обмахнул с утра Чен.

– Вот ваше жилье, – объявил Салли.

Экберг быстро заглянула внутрь, затем кивнула. Салли и Маршалл положили ее сумки на койку.

– Путь сюда из Нью-Йорка неблизкий, – сказал Салли, – и, вероятно, вы совсем не спали. Если хотите подремать или освежиться – прошу. Душ и туалет дальше по коридору.

– Спасибо за предложение, но я предпочла бы начать прямо сейчас.

– Начать? – Салли был удивлен.

Маршалла вдруг осенило.

– Вы хотите взглянуть на нашу находку?

– Конечно! Для того я сюда и летела. – Она оглядела ученых. – То есть если вы, конечно, не против.

– Боюсь, что против, – ответил Салли. – Недавно здесь видели белых медведей. Да и лавовые туннели весьма опасны. Но полагаю, вы вполне можете осмотреть подступы к ней. С некоторого расстояния.

Экберг немного подумала, затем медленно кивнула:

– Спасибо.

– Эван проводит вас наверх, да, Эван? А меня прошу извинить, мне нужно кое-что срочно закончить.

Слегка улыбнувшись, он кивнул Маршаллу и направился в сторону своей временной лаборатории.

5

– Как интересно, – сказала Экберг. Каждое ее слово сопровождалось клубочками пара, выкатывавшимися изо рта. – Не думала, что когда-нибудь увижу такое чистое, ясное небо.

Они шагали к ледовому полю, залитому яркими лучами солнца. Несмотря на раздраженное ворчание руководителя экспедиции, Фарадей предпочел пойти с ними и теперь тяжело дышал, поднимаясь по склону. В течение месяца он совершал подобные восхождения как минимум по разу в день, и тот факт, что они до сих пор давались ему с трудом, говорил, что годы сидячей лабораторной работы не проходят бесследно. Экберг же шла легко, без усилий и успевала вертеть во все стороны головой, иногда бормоча что-то в цифровой диктофон. Для тепла поверх кожаной куртки молодая женщина набросила запасную parkу Пенни Барбур.

– Понимаю, о чем вы, – ответил Маршалл. – Жаль, что это все ненадолго.

– Прошу прощения?

– Дни делаются все короче. У нас осталось еще две-три недели, а потом наступит полярная ночь. Часов двадцать тьмы в сутки. И мы уедем.

– Неудивительно, что вы так спешите. Так или иначе, Аллана эти цвета приведут в полный восторг.

– Аллана?

– Аллана Фортнема, нашего главного оператора. – Она посмотрела на голубой ледник, уходящий к лазурному небу. – Как гора Фир получила свое название?

– В честь Уилберфорса Фири, исследователя, который ее открыл.

– Это открытие сделало его знаменитым?

– Собственно, оно его погубило. Он погиб при осмотре кальдеры.

– О! – Экберг пробормотала что-то в диктофон. – Кальдера. Значит, это вулкан?

– Потухший вулкан. Вообще, довольно странная штука – единственное геологическое образование на тысячи квадратных миль промороженной тундры. До сих пор идут споры, как могло такое произойти.

– Доктор Салли говорил, что там опасно. Что он имел в виду?

– На самом деле гора Фир – всего лишь мертвый конус доисторической лавы. Из-за погодных условий и под давлением ледника она стала хрупкой. – Он показал на острые как ножи разломы в долине, затем на одну из больших пещер, усеивавших внизу горный склон. – Подобные лавовые ходы возникают, когда поверх активного потока магмы образуется застывшая корка. За многие годы их своды становятся ненадежными и легко могут обрушиться. В итоге гора напоминает огромный картонный домик. Нашу находку мы обнаружили в конце одной из таких пещер.

– А белые медведи, о которых он упоминал?

– На вид они вполне симпатичные твари, но крайне агрессивные по отношению к человеку, особенно в наше время, когда их повсюду теснят. Вашим людям, когда они сюда явятся, лучше не покидать огороженную территорию без оружия. На базе есть склад крупнокалиберных ружей.

С минуту они поднимались молча, затем Экберг заговорила снова:

– Вы ведь палеоэколог, верно?

– Да, специалист по четвертичному периоду.

– А чем именно вы здесь занимаетесь?

– Палеоэкологи вроде меня пробуют получить представление об исчезнувших экосистемах на основе ископаемых и других древних свидетельств. Мы пытаемся определить,

какие существа обитали на земле, чем они питались, как они жили и умирали. Я выясняю, какая экосистема существовала здесь до наступления ледника.

– Ибо теперь, когда ледник отступает, эти свидетельства проявляются?

– Именно.

Она посмотрела на Маршалла пронизательным, испытующим взглядом.

– Что за свидетельства?

– Следы растений. Слои ила. Некоторые макроорганические остатки вроде древесины.

– Ил и труха, – сказала Экберг.

Маршалл рассмеялся:

– Не слишком модная тема для «Терра-Прайм», верно?

Она рассмеялась в ответ:

– И на что они вам?

– Дерево и прочую органику можно подвергнуть радиоуглеродному анализу, чтобы определить, как давно похоронил их ледник. В отложениях ила можно найти пыльцу, которая, в свою очередь, скажет о том, какие растения и деревья доминировали здесь до оледенения. Понимаете, современные экологи изучают мир таким, каким он сделался после долгих веков человеческого влияния. А я выясняю, каким он был до того, как человек стал царем природы.

– Вы попытаетесь воссоздать прошлое, – сказала Экберг.

– В некотором смысле – да.

– По мне, так весьма неплохо звучит. И полагаю, ледник для подобных трудов – самое подходящее место, поскольку он хранит все свои тайны в замороженном состоянии, словно в капсуле времени, так?

– Именно так, – сказал Маршалл, восхищаясь ее способностью схватывать на лету самую суть незнакомых ей прежде вещей. – Не говоря уже о том, что тающий лед просто высвобождает то, что в нем содержалось, в нетронутom виде. И не приходится возиться с лопатами и кирками, выковыривая ископаемые и полуископаемые образцы из земли.

– Весьма прагматичный подход. А что такое полуископаемые? Наполовину погруженные в грунт?

Маршалл снова рассмеялся:

– Так палеонтологи называют ископаемые, которым меньше десяти тысяч лет.

– Понятно. – Экберг повернулась к Фарадею, с трудом взбирающемуся вверх. – Доктор Фарадей, а вы – биолог-эволюционист, да?

Фарадей остановился, чтобы перевести дух, и она тоже остановилась, а с ней задержался и Маршалл. Биолог кивнул, перекидывая рюкзак с одного плеча на другое.

– И это означает...

– Коротко говоря, я изучаю то, как меняются виды с течением времени, – тяжело дыша, проговорил Фарадей.

– А почему вы занимаетесь этим здесь, в столь негостеприимном месте?

– Я исследую влияние глобального потепления на развитие видов.

На ее лице возникла улыбка.

– Значит, вы и в самом деле занимаетесь глобальным потеплением. В то время как доктор Маршалл лишь использует его эффект.

В голове у Маршалла негромко прозвучал тревожный звоночек. «Терра-Прайм» финансировала экспедицию исходя из того, что каждый в ней будет проводить изыскания строго в рамках заявленной темы. Но улыбка Экберг выглядела вполне дружелюбно, и он улыбнулся в ответ.

Они опять ненадолго остановились, чтобы Экберг могла сделать еще несколько замечаний в блокноте. Маршалл ждал, глядя на горизонт. Достав бинокль, он протянул его Экберг:

– Взгляните. Там, к юго-западу, в тундре.

Она посмотрела в бинокль.

– Черт побери. Два белых медведя. – С минуту она наблюдала за ними, затем отдала бинокль Маршаллу. – Нам придется вернуться?

– Здесь, на горе, с нами ничего не случится. Обычно кто-то из нас бывает вооружен. Звери знают.

– А почему сейчас это не так?

– Я не ношу оружия. А Райт слишком рассеян. Идемте дальше.

Когда они приблизились к леднику, Маршалл с некоторой тревогой посмотрел на него, но недавнее похолодание остановило подтаивание, и поверхность льда выглядела практически так же, как три дня назад, когда обнажилась пещера.

– Пещера вон там, – сказал он, показывая на черную дыру возле скола ледовой толщи.

Экберг посмотрела в ту сторону. Хотя лицо ее ничего не выражало, Маршалл понял, что она наверняка разочарована невозможностью заглянуть внутрь. Он кивнул Фарадею. Биолог полез в карман парки и достал большую гляцевую фотографию, которую протянул Экберг.

– Вот что мы там нашли, – сказал Маршалл. – Снимок с нашей видеозаписи.

Экберг уставилась на фотографию. Слышно было, как у нее перехватило дыхание.

– Он умер с открытыми глазами, – прошептала она.

Никто не ответил – ответ и не требовался.

– Господи. Кто это?

– Мы точно не знаем, – отозвался Маршалл. – Снимок показывает, что лед непрозрачен. Видны только глаза и немного шерсти вокруг. Но мы полагаем, что это может быть смилодон.

– Кто?

– Смилодон. Больше известный как саблезубый тигр.

– Что не очень-то верно, – изрек Фарадей. – Поскольку смилодоны не тигры. Другая ветвь.

Но Экберг, казалось, его не слышала. Она все смотрела на фото, совсем забыв о своем диктофоне.

– Именно эти глаза и позволили нам прийти к такому выводу, – сказал Маршалл. – Они очень напоминают глаза больших кошек... собственно, всех кошек. Заметьте, это глаза хищника – большие, направленные вперед, с широкой радужной оболочкой и вертикальными зрачками. Уверен, что при вскрытии за сетчаткой обнаружится отражающий слой.

– Как давно он замерз? – спросила она.

– Смилодоны вымерли около десяти тысяч лет назад, – ответил Маршалл. – Мы не знаем из-за чего. Из-за надвигающегося оледенения, утраты среды обитания или нехватки пищи. А может, они все погибли от вируса, преодолевшего межвидовой барьер. Учитывая время, которое эта пещера была погребена подо льдом, смею предположить, что это один из последних представителей своего рода.

– Мы до сих пор не понимаем, каким образом он замерз, – добавил Фарадей, как всегда быстро и словно бы виновато моргая, что делало его похожим на испуганного ребенка. – Зверь, вероятно, спрятался в пещере, чтобы переждать снежную бурю, и там остался. Возможно, он был ранен или обессилел от голода. Или просто умер от старости. Ответ получим, когда проведем все анализы.

К Экберг быстро вернулось профессиональное хладнокровие.

– Что это? – спросила она, показывая на снимок.

Там во льду темнело чистенькое отверстие шириной примерно в полдвойма.

– Как вы сами можете видеть, разглядеть что-либо очень сложно, – сказал Маршалл. – Лед грязный, в нем много древнего ила. Так что мы попросили нашего аспиранта Ана установить там локатор, который, посылая ультразвуковые лучи, ловит отраженное эхо.

– Словно рыболовный эхолот, – сказала Экберг.

– В каком-то смысле, – весело ответил Маршалл. – Весьма высокотехнологичный эхолот. В любом случае из-за состояния льда точные измерения провести было невозможно, но мы все же выяснили, что длина животного, похоже, составляет примерно восемь футов. Мы оцениваем его вес в пределах тысячи фунтов.

– Что больше соответствует виду *Smilodon populator*, чем *Smilodon fatalis*, – нараспев произнес Фарадей.

Экберг медленно покачала головой, не отрывая взгляда от фотографии.

– Удивительно, – сказала она. – Погребенный во льду в течение тысяч лет...

Наступила короткая пауза. Стоявший без движения Маршалл начал ощущать, как холод забирается под его капюшон и покусывает кончики пальцев.

– Вы задали множество вопросов, – спокойно сказал он. – Не возражаете, если я задам вам один?

Экберг посмотрела на него:

– Валяйте.

– Мы знаем, что «Терра-Прайм» планирует снять некий документальный фильм, но никто из нас понятия не имеет, какого рода. Мы, правда, между собой полагаем, что вы, возможно, собираетесь осветить нашу работу на леднике, вероятно закончив рассказом о нашей необычной находке. Запечатлеть, так сказать, открытие для будущих поколений. Не могли бы вы сообщить нам больше подробностей на этот счет?

Она криво улыбнулась:

– Собственно говоря, наша компания отнюдь не ориентирована на будущие поколения.

– Продолжайте.

– Думаю, в детали вас посвятит Эмилио Конти, наш исполнительный продюсер. Но я могу обещать одно, доктор Маршалл, – он считает, что это будет настоящий успех, пиковый взлет в его и без того блестящей карьере. – Ее улыбка сделалась шире. – Вашей экспедиции уготовано стать намного более знаменитой, чем вам это когда-либо представлялось в самых смелых мечтах.

6

Рассвет вспыхнул над Голубым хребтом, взорвавшись сказочным многоцветьем. Выглянувшее из-за горы Митчелл солнце щедро залило осеннее небо нафтолом и кадмием, пурпуром и киноварью, равно как и всем прочим сонмом сияющих красок, словно слетевших с палитры восторженного живописца. Сонные вершины и склоны покрывала пока еще темная зелень дубов, лиственниц, кленов, лещины. Казалось, само холодное дыхание гор окутало густым покровом тумана долины и окружило вершины нижних холмов прозрачными кольцами, делая их похожими на монашеские тонзуры.

Джереми Logan остановил взятую напрокат машину у ворот парка, заплатил за въезд и мягко вдавил педаль газа. До цели он мог бы добраться и побыстрее: шоссе Скайлайн-драйв слишком петляло, да и скорость там ограничивалась тридцатью пятью милями в час, однако время у него еще было, к тому же он не ездил по этой дороге с тех самых пор, как в детстве отдыхал здесь с отцом. Шоссе перед ним исчезало в бархатной дымке, обещая как новые впечатления, так и всплески ностальгических ощущений.

В динамиках автомобиля звучала «Богема» в записи Тосканини 1946 года с несравненным сопрано Лючии Альбанезе. Он выключил музыку, чтобы полностью сосредоточиться на проносящемся мимо пейзаже. Вот обзорная площадка долины Шенандоа – он помнил, как они останавливались там с отцом, чтобы купить сэндвичи и сделать несколько фотоснимков. Дальше пошли ущелья: Нижнее, Комптона, Дженкинса. Каждое из них по очереди появлялось перед ветровым стеклом, открывая будто бы с неохотой потрясающий вид на реку и испещренные пятнами растительности холмы у подножия гор. Да, Виргиния оставалась Виргинией, и Loganу, росшему в Южной Каролине, казалось и сейчас удивительным, как так много вмещающий в себя ландшафт может тесниться в столь относительно скромных пределах.

У отметки в двадцать семь миль он проскочил мимо поворота, ведущего к горе Ноб. Они с отцом останавливались и там и даже поднялись вверх на две мили. Logan помнил, что день тогда был очень жарким и висевшая у него на шее фляжка с водой приятно холодила кожу. Отец его был историком, не привыкшим к большим нагрузкам, и восхождение почти лишило его сил. Именно на вершине он сказал Джереми, что у него рак.

Возле ущелья Торнтон Logan свернул со Скайлайн-драйв, проехал по шоссе штата вдоль реки и выехал из национального парка. В окрестностях Сперривилла он взял курс на юг, выкатился на шоссе 231 и двинулся, глядя на указатели, к гостинице «Олд-Рэг-Лодж».

Десять минут спустя он оказался в тени Олд-Рэг. Гора эта была относительно невысокой, тысячи три с небольшим футов, но знаменитые каменные осыпи крайне затрудняли доступ к ее голой верхушке. Однако наибольшую известность она получила не из-за них, а благодаря роскошному отелю, расположившемуся под ней в котловине. Гостиница «Олд-Рэг-Лодж» напоминала большой сказочный замок, выглядевший крайне неуместно среди окружающей его дикости. Когда Logan свернул на подъездную дорожку и поднялся по плавному склону, этот замок предстал перед ним, поражая взор сочетанием нагромождений экзотически обработанного известняка и ярких витражей в узорчатых рамах. Все это беспорядочное сооружение было увенчано экстравагантными куполами и медными минаретами.

Logan обогнул пышное поле для гольфа на тридцать шесть лунок, после чего тщательно ухоженная дорожка из белого гравия привела его к главному входу. Отдав ключи от машины служащему гостиницы, он шагнул внутрь.

– Заселяетесь, сэр? – спросила женщина за стойкой.

Logan покачал головой:

– Я приехал на экскурсию.

– Осмотр бункера начинается в десять часов.

– Я договорился о личном визите. Моя фамилия Логан.

Он положил визитную карточку на мраморную поверхность.

Женщина внимательно изучила карточку, повернулась к монитору компьютера и что-то быстро набрала на клавиатуре.

– Очень хорошо, доктор Логан. Не будете ли вы любезны подождать в вестибюле?

– Спасибо.

Взяв портфель, Логан пересек гулкое пространство под куполом и сел в кресло между двумя громадными коринфскими колоннами, увитыми красными шелковыми лентами.

Хотя этот отель был весьма популярен в течение семи десятков лет среди аристократов «Старого доминиона»,¹ увлекавшихся охотой и гольфом, в последние годы он приобрел странную репутацию. Ибо выяснилось, что под ним был обустроен и в 1952 году введен в частичную эксплуатацию огромный, совершенно секретный бункер для членов правительства Соединенных Штатов. В случае ядерной войны конгрессмены, сенаторы и другие чиновные лица планировали там укрыться, чтобы координировать военные операции, издавать новые законы и продолжать управлять Америкой (естественно, если в ней уцелеет хоть что-нибудь, чем можно управлять). Разглядывая роскошный вестибюль, Логан слегка улыбнулся. Вполне понятно, почему государственные деятели выбрали для своего убежища именно это место. Оно было достаточно удаленным от Вашингтона, чтобы избежать самого худшего, но вполне подходящим для того, чтобы переждать Армагеддон в комфорте и роскоши. Хотя бункер законсервировали еще в восьмидесятые годы, его не рассекречивали вплоть до 1992-го. Теперь он играл роль исторического музея, магнита для любителей всего секретного и не слишком многообещающей достопримечательности для обычных туристов.

Логан поднял взгляд, увидев идущего к нему невысокого, слегка полноватого человека в белом костюме и панаме, розовое лицо которого украшали круглые черные очки. Мужчина протянул руку:

– Доктор Логан?

Логан поднялся:

– Да.

– Я Перси Хант, официальный историк отеля. Сегодня я буду вашим сопровождающим.

«Сопровождающим, надо же, – подумал Логан, пожимая протянутую руку. – Гид везде гид».

– Буду вам крайне благодарен.

– Вы ведь из Йеля, не так ли? – Хант заглянул в сложенный листок бумаги. – Профессор средневековой истории?

– Да. Хотя в настоящее время я в академическом отпуске.

Хант убрал листок в карман.

– Очень хорошо. Прошу вас следовать за мной.

Он направился к арке в дальнем конце вестибюля, ведущей в застеленный великолепным ковром коридор с изображениями сцен охоты на стенах.

– Есть два входа в бункер, – сказал Хант. – Большие внешние ворота в задней части горы, использовавшиеся для грузовиков и тяжелого транспорта, и лифт позади главного конференц-зала отеля. Именно через него мы и войдем.

Они миновали закрытый плавательный бассейн, украшенный скульптурами в греческом стиле, потом банкетный и танцевальный залы, прежде чем войти в просторный и хорошо оборудованный конференц-зал. Не останавливаясь, Хант направился к двойным дверям в задней стене, покрытым такими же обоями, как и остальные стены.

¹ Официальное прозвище штата Виргиния.

– Конгресс предполагал использовать это помещение для своих заседаний, если, конечно, оно осталось бы невредимым, – сказал он. – В противном случае им бы пришлось довольствоваться помещениями поменьше, внизу. – Он постучал по стене, к которой они подошли. – Это броня, защищающая подступы к лифту.

С некоторым усилием он открыл двери, за которыми обнаружилось небольшое пространство с еще одной дверью в дальнем его конце. Хант отпер ее висевшим на цепочке ключом и провел Логана в большую, выкрашенную в зеленый цвет кабину. Закрыв дверь, он с помощью того же ключа привел в движение лифт, в котором отсутствовали какие-либо кнопки или индикаторные лампочки.

Спуск длился долго. Секунд через тридцать Хант повернулся к гостю.

– Итак, доктор Логан, – сказал он, – что вас конкретно интересует? Системы жизнеобеспечения? Жилые помещения? Лазарет? Я спрашиваю потому, что обычно исследователи, заказывающие индивидуальный тур, интересуются некоторой определенной областью. Чем больше вы мне расскажете, тем лучше я смогу вам помочь.

Логан оглянулся.

– Собственно говоря, мистер Хант, меня интересует не бункер сам по себе.

Хант моргнул:

– Нет? Тогда почему же...

– Мне нужно попасть в архив «Омега».

Глаза Ханта расширились.

– Архив? Прошу прощения, но это невозможно.

– Информация в этом архиве рассекречена начиная с... – Логан посмотрел на часы, – восьми часов утра сегодняшнего дня. Семьдесят минут назад. Теперь она является публичным достоянием.

– Да-да, но сперва нужно провести все необходимые процедуры – контрольный просмотр, сверку данных и все такое. Все запросы должны проходить через соответствующие каналы.

– Меня интересует лишь один-единственный документ. Вы можете за мной наблюдать – я прочитаю его в вашем присутствии. Что касается соответствующих каналов – думаю, этого будет достаточно, чтобы вас удовлетворить.

Открыв портфель, Логан достал сложенный лист бумаги, на каком красовалась печать Соединенных Штатов, и протянул его Ханту.

Тот проглядел письмо, и глаза его расширились еще больше. Он облизал губы.

– Очень хорошо, доктор Логан. Очень хорошо. Но мне все же требуется устное подтверждение...

Логан показал на подпись внизу письма:

– Если у вас действительно есть желание его побеспокоить – пожалуйста, как только мы вернемся в отель. Если мне не будут чинить препятствий, дело мое не займет и четверти часа.

Хант снял очки, потер их о пиджак, снова надел и поправил соломенную панаму.

– Могу я спросить... – Голос его сорвался, и он откашлялся. – Могу я спросить, что именно интересует профессора средневековой истории в архиве «Омега»?

Логан снисходительно на него посмотрел:

– Как я уже говорил, мистер Хант, у меня сейчас академический отпуск.

Двери лифта со скрипом распахнулись, и перед ними открылся каменный туннель с полукруглым сводом и вделанными в пол стальными решетками.

– Прошу следовать за мной, – сказал Хант, быстро идя по туннелю.

Там было очень холодно и сыровато. Путь освещал ряд свисавших с потолка ярких ламп в круглых колпаках. Высоко вдоль стен тянулись переплетения выкрашенных в зеле-

ный цвет труб, уходивших дальше в глубину бункера. Хант поспешно шагнул вперед, явно не расположенный к дальнейшим разговорам. Прежде чем свернуть в сторону от главного хода, они миновали несколько ниш, напоминавших спальные помещения, и большой зал с телевизионными камерами, всю заднюю стену которого занимала фотография Капитолия в пору цветения вишни. Пройдя через помещение, заставленное электрическими шкафами, Хант вошел в заднюю комнатушку, где откатил в сторону фальшивую стенку, за которой скрывалась тяжелая металлическая дверь на массивных петлях. Достав из кармана еще один ключ, Хант вставил его в центральную скважину.

– Архив находится за этой дверью, – сказал он. – Найдите свой документ и как можно быстрее с ним ознакомьтесь. Мне нужно получить соответствующие санкции, и чем скорее, тем лучше.

– Я постараюсь не задержать вас, – ответил Логан.

Хант хмуро кивнул и, повернув ключ, открыл дверь. Из темноты за ней пахло затхлостью, пылью. От одного этого запаха у Логана сильнее забило сердце.

Архив «Омега» содержал в себе очень многое из того, ради чего жил Джереми Логан, для которого звание профессора средневековой истории являлось чем-то вроде изысканной дымовой завесы. Неустанно разбиравшееся с последствиями Второй мировой войны правительство нашло наконец прекрасное применение уникальной системе защиты, оберегающей бункер конгресса, отправляя туда на хранение секретные и совершенно секретные военные документы. Хотя сам бункер был рассекречен десятилетием раньше, потребовались еще годы и годы упорного политического давления со стороны историков, журналистов и борбников полной прозрачности информационного поля, прежде чем наверху уступили, согласившись откинуть покровы и с этого хранилища тайн. Формально архив объявили доступным с сегодняшнего утра, однако в соответствии со стандартной процедурой содержащиеся в нем документы должны были сперва перелопатить представители различных спецслужб, изъяв все, до сих пор представляющее ценность, и лишь потом позволить всем, кому что-то там нужно, копаться в остатках. Логану пришлось заручиться поддержкой очень важных персон, чтобы получить разрешение проникнуть сюда до всей этой суматохи.

В помещении, куда он шагнул, царила кромешная темнота, но некое шестое чувство подсказало ему, что оно просто огромно. Двигаясь ощупью вдоль стены, он нашарил длинный ряд выключателей и наугад щелкнул некоторыми из них.

Послышалось низкое гудение, над головой начали вспыхивать полосы флуоресцентных ламп, создавая маленькие желтые островки в море тьмы. Он щелкнул еще несколькими выключателями, и наконец перед ним предстал весь архив – стройные колонны десятифутовых шкафов цвета хаки, уходящие вдаль. Логан с минуту постоял, моргая и постепенно привыкая к масштабам увиденного. Открывшееся взору пространство едва не превосходило размерами футбольное поле. Взгляд его блуждал по сонму ячеек, хранивших океан захватывающих сведений, вплотную касающихся науки, культуры, национальной политики и всего прочего, подтверждаемых или опровергаемых сотнями данных под присягой свидетельств, пускай и разноречивых, но тем самым могущих пролить свет на многое. Будь его воля, он бы застрял здесь на долгие годы.

Обеспокоенное движение за спиной напомнило Логану, что время его ограничено. Улыбнувшись и кивнув, он крепче стиснул ручку портфеля и двинулся дальше. Сейчас все его помыслы были устремлены к событиям, имевшим место в Италии в 1944 году. Сражаясь с немцами за контроль над Кассино, подразделения Пятой американской армии захватили старинную крепость Каstellо-Диавилус. В этом давно заброшенном замке некогда обитал знаменитый алхимик, печально известный мрачными экспериментами. После захвата замок сожгли дотла, а тайную лабораторию в подвале разграбили. Логан занимался изучением достижений алхимика, весьма интересуясь результатами его странных опытов, а потому

очень рассчитывал узнать о них много больше, порывшись в пыльных документах архива «Омега».

Он быстро шагал вдоль высоких металлических шкафов, поглядывая на этикетки. Практически сразу стало понятно, что материалы расположены в хронологическом порядке, а затем делятся по принадлежности к воинским группировкам. Ему потребовалось десять минут, чтобы найти 1944 год, и еще пять, чтобы выявить документы, относящиеся к Пятой армии. Еще через минуту он нашел шкаф с досье итальянского театра военных действий и, углядев надпись «Кассино», до упора выдвинул соответствующий ящик, в котором лежала стопка папок толщиной фута в три. Все они запылились и сильно поблекли, но в остальном выглядели нетронутыми. Быстро пробежав взглядом по заголовкам, он нашел толстую папку с этикеткой: «Форт Диавилус: тактика и стратегия».

Логан взглянул на стоявшего рядом Ханта, который смотрел на него с видом недовольного ментора.

– Здесь найдется какой-нибудь стол?

Хант моргнул и фыркнул.

– Дальше по коридору, за щитовой, есть конторка, – сказал он. – Я вас провожу.

Логан вытащил папку и уже собирался закрыть ящик, но замер. Под папкой, извлеченной им из ячейки, обнаружилась другая, почти столь же выцветшая. На ее этикетке значилось лишь одно слово: «Фир».

Логан машинально протянул руку и взял папку, оказавшуюся очень тонкой. Под ней лежала еще одна, точно такая же, с тем же словом на этикетке.

Две копии секретного документа, хранящиеся в одном и том же месте? Что-то тут явно не так.

Он покосился на Ханта. Тот уже шел по проходу между возвышающимися шкафами. Снова заглянув в ящик, Логан открыл первую из двух одинаковых папок и пробежал глазами по титульному листу.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Армия Соединенных Штатов

Департамент внутренних расследований

Темы

1. Аномалия D-1, дополнение к имеющейся информации.

2. Обстоятельства гибели научной группы.

3. Рекомендации (крайне важно).

Составил: полковник Роуз, база «Фир»

Дата: 7 мая 1958 года

Документ № B2837(a)»

Свойственное Логану чутье исследователя паранормальных явлений вмиг обострилось до чрезвычайности. Ему представлялась уникальнейшая возможность, какой нельзя было пренебречь. Стараясь действовать неслышно и быстро, он открыл портфель, бросил поверх остальных бумаг одну из двух тонких папок, после чего снова закрыл жесткий клапан, придавив его папкой с этикеткой «Кастелло-Диавилус». Затем, задвинув ящик и придавив лицу непроницаемое выражение, ученый повернулся и двинулся следом за Хантом к ближайшему выходу из гулкого помещения.

7

За пять дней база «Фир» изменилась до неузнаваемости. Три акра каменной ровной площадки между ограждением и воротами превратились в подлинный муравейник. Вертолеты и маленькие транспортные самолеты прибывали денно и ночно, выгружая рабочих, снаряжение, провизию, топливо и всевозможное экзотическое оборудование. Тихие, тускло освещенные коридоры центральной части уходящего вглубь строения стали напоминать оживленные городские бульвары, полнясь гомоном голосов, щелканьем клавиш, гудением разных машин. Повсюду змеились силовые кабели, предательски валя с ног зазевавшихся торопыг. Генераторы базы, до сей поры выдававшие минимальную мощность, перевели в половинный режим, и их рев оглашал арктическую тишину. Сержанта Гонсалеса и троих его подчиненных сперва ошеломило, а затем начало откровенно раздражать внезапное вторжение штатских, не только превративших их сонное царство в улей, но и постоянно чего-то требующих от них. Небольшая воинская команда теперь неустанно трудилась, сращивая порванную проводку, заделывая щели и обеспечивая подачу тепла в десятилетиями пустовавшие помещения.

Эван Маршалл шагал вниз по склону, неся на плече заполненный образцами бачок. На полпути к цели он ненадолго остановился, чтобы отдохнуть и окинуть взглядом маленький городок, освещенный полуденным солнцем. Хотя съемочную группу расселили на базе – рабочих, осветителей, журналистов и ассистентов на уровне «В», а в чуть более комфортабельных комнатах уровня «С» всех главных шишек, – близ ограждения было разбросано множество сборных амбарчиков и прочих подсобных сооружений. Все эти временные домишки словно бы жались к громадному «Снежному барсу» – вездеходу на массивных танковых гусеницах, преграждавшему доступ к топливному хранилищу, которым могло бы гордиться любое армейское подразделение. А еще дальше покоился таинственный металлический куб. Зачем он нужен, не знал никто из любителей посудачить, а кто знал, тот молчал.

Но настоящая кутерьма началась после утреннего прибытия Эмилио Конти, исполнительного продюсера и генерального движителя проекта. По его распоряжению странные механизмы перегородили верхушку ледника, весьма осложнив жизнь ученым. А до того битый час продюсер ходил по базе и окружавшей ее промороженной тундре со своей операторской свитой, изучая, как падает свет на снег, лаву и лед, и разглядывая все, что только возможно, с десятка различных позиций в широкоугольный объектив, болтавшийся у него на груди. Кари Экберг все это время находилась при нем, видимо давая необходимые пояснения и записывая распоряжения на будущее, явно обещавшее принести много сюрпризов.

Маршалл снова поднял бачок с образцами, закинул его на другое плечо и двинулся дальше. Он чувствовал себя крайне уставшим. Ночью ему, как всегда, не спалось, а несшиеся отовсюду шумы только усугубляли бессонную маету.

Трудно было поверить, что со времени обнаружения смилодона прошла лишь неделя. Лично ему порой хотелось, чтобы замерзшее существо так и оставалось безвестным. Его отнюдь не радовала лихорадочная активность, столь противоречащая методике вдумчивого подхода к находке, могущей взбудоражить весь научный мир. Его раздражала таинственность, которой съемочная группа окружала свой драгоценный проект. И уже просто злило множество путавшихся под ногами людей. А время, удобное для изысканий, стремительно уходило. «Единственный положительный момент этой идиотической суеты, – подумал он, – заключается в том, что чем быстрее все тут раскрутится, тем быстрее они уберутся».

Обогнув вездеход, он направился к базе. Мимо пронесся какой-то киношник, таща длинную металлическую стойку. Маршаллу пришлось пригнуть голову, чтобы уберечь ее от удара. У ворот спиной к нему стояла группа сотрудников «Терра-Прайм», и, когда он, поста-

вив термос на землю, принялся проверять состояние образцов, до него донеслись недовольные голоса.

– Худшее место из всех, где я вкалывал, – говорил кто-то. – Тут даже негде опрокинуть стаканчик. А я уж думал, что навидался дерьма.

– У меня задница онемела, – пожаловался второй голос. – В буквальном смысле. Кажется, я ее отморозил.

– О чем только думает Конти? Загнал нас в эту хренову глушь из-за какой-то там дохлой кошки.

– Да еще всякие олухи всюду болтаются, мешают работать.

«Оказывается, это мы им мешаем», – невесело улыбнувшись, подумал Маршалл.

– Кстати, насчет тех, кто здесь болтается. Слыхали о белых медведях? Их тут просто прорва. Если мы не замерзнем, они нас сожрут.

– А ведь за риск нам не платят.

– А также за вонь. Здесь воняет. И вода еле течет. И жратва – хуже нету. Я привык ко всему свежему – ананасы там, бутербродики, суши. А тут харч как в тюрьме: бобы, сосиски, замороженная капуста.

С дальнего конца лагеря неожиданно донесся взрыв веселого гомона и – мгновение спустя – снова. Закрыв термос, Маршалл отправился посмотреть, что там происходит.

Под металлическим кубом собралось около десятка человек. Они поздравляли друг друга, пожимали соседям руки и обнимались. Неподалеку от них стоял Конти – невысокий темноволосый крепыш с аккуратно подстриженной козлиной бородкой. Он наблюдал за всеобщим восторгом, скрестив на груди руки. Рядом топтался представитель руководства телеканала по фамилии Вольф, возле него маячили операторы: один с большой камерой на плече, второй с маленькой, обыкновенной. Чуть дальше расположился еще один тип – тот, который несколько минут назад едва не оглоушил Маршалла. Он контролировал микрофон, закрепленный на длинной удочке, опиравшейся на треногу. Провода от камер уходили в прикрепленную к его поясу сумку.

Маршалл с любопытством оглядел Конти. Слава шагала впереди этого человека. Его документальный фильм «Роковые пучины» об исследовательских подводных лодках, изучающих глубочайшие океанские впадины, завоевал много наград и до сих пор регулярно демонстрировался в музеях и специальных кинотеатрах. Другие отснятые им ленты, в основном посвященные дикой природе и экологическому кризису, также встретили одобрение критики и пользовались всеобщим успехом. Козлиная бородка и порывистые движения в сочетании с диковинным объективом, поблескивавшим у знаменитости на груди, подобно огромному черному бриллианту, вполне отвечали образу выдающегося эксцентричного режиссера. «Единственное, чего ему не хватает, – подумал Маршалл, – это мегафона и белого галстука». Однако он тут же напомнил себе, что внешность часто бывает обманчивой, а стоящий перед ним бодрячок не только пользуется заслуженным уважением благодарных ему соотечественников, но и обладает немалым влиянием в сферах повыше.

– Еще раз, – сказал Конти с легким итальянским акцентом. – Больше радости. Помните: вам наконец все удалось. Миссия выполнена. Я хочу видеть это и слышать.

– Мотор, – сказал человек с ручной камерой.

– Съемка! – произнес Конти.

В толпе собравшихся вновь раздались радостные возгласы. Люди подпрыгивали, кричали и размахивали руками, хлопали друг друга по спине. Маршалл озадаченно огляделся вокруг, мучительно сознавая, что ничего не может понять.

Экберг стояла невдалеке, наблюдая за происходящим. Несмотря на крайнюю занятость в последние несколько дней, она, завидев его, всегда приветливо улыбалась, в отличие от

большинства прочих киношников, которые явно давали понять, что присутствие посторонних их раздражает.

Он подошел к ней.

– Что происходит?

– Финал, – сказала она. – Апофеоз выдающегося успеха.

– Финал?

– Ну... именно это сейчас мы снимаем.

– Но... – возразил он, и тут до него вдруг дошло.

Кonti снимал реакцию киногруппы на успешное завершение... неважно чего, главным тут был взрыв восторга. Похоже, продюсер спешил взять в кадр все, что работало на проект, независимо от того, как это соотносилось с реальностью. Концепции линейности времени для него не существовало – и Маршалл понял, что ему еще многое предстоит узнать о документальном кино.

Кonti кивал, явно удовлетворенный последним дублем. Он повернулся к оператору с тяжелой камерой:

– Снято?

Тот улыбнулся и показал большой палец. Conti перевел взгляд на Экберг и заметил Маршалла.

– Вы ведь Маршалл, так? Эколог?

– Палеоэколог, да.

Кonti посмотрел в свой блокнот и что-то отметил там карандашом, не снимая перчатки.

– Хорошо. И весьма кстати. – Он снова взглянул на Маршалла, на этот раз более внимательно, изучая его, словно кусок поданного ему мяса. – Не могли бы вы собрать вашу команду в теплой одежде минут, скажем, через пятнадцать? Если все вы появитесь перед камерой, это прибавит съемкам реальности.

– Что за съемки?

– Мы поднимемся на гору.

Маршалл колебался.

– Буду рад вам помочь. Но сперва, мне кажется, пришла пора вас спросить, что именно вы здесь снимаете. Мы ничего пока толком не знаем. Не хочу показаться назойливым, но наше неведение чересчур затянулось.

Кonti втянул ноздрями холодный воздух.

– Мы хотим отснять как можно больше материала до прибытия Эшли.

– Кстати, этого я тоже не понимаю. Зачем ведущей лететь сюда? Почему она не может добавить свой комментарий в Нью-Йорке, когда фильм уже будет смонтирован?

– Потому что дело не в простом комментарии, – ответил Conti. – Речь идет о документальной драме. Выдающейся документальной драме.

Маршалл нахмурился:

– Какое это имеет отношение к нашей работе? Или к коту, которого мы нашли?

Кonti едва заметно улыбнулся:

– Как раз к коту это имеет непосредственное отношение, профессор Маршалл. Видите ли, мы сейчас намерены вырубить его из льда.

Маршалл не поверил ушам, чувствуя, как по спине у него пробежал холодок.

– Вы сказали – вырубить?

– Сплошным блоком. Чтобы доставить в наше специально подготовленное хранилище. Его опечатают и начнут постепенно растапливать лед. – Conti сделал эффектную паузу. – А когда хранилище снова вскрыют, этот процесс будут снимать вживую, прямо на глазах миллионов.

8

На мгновение Маршалл лишился дара речи, но оцепенение тут же прошло, сменившись плохо скрываемым гневом.

– Прошу прощения, – сказал он, удивляясь своему спокойному тону, – но этому не бывать.

Конти продолжал улыбаться.

– Нет?

– Нет.

– И почему же?

Маршалл увидел приближающегося со стороны базы Салли, которого, несомненно, привлек сюда радостный гвалт, поднятый во время съемок последнего эпизода. Кроме того, прямо с момента прилета продюсера климатолог не упускал ни малейшей возможности потереться с ним рядом, вероятно надеясь погреться в лучах его славы, а заодно при случае лишний раз попасть в кадр.

– Мистер Конти только что сообщил мне истинную причину, по которой они здесь находятся, – сказал Маршалл, когда Салли подошел.

– Вот как? – спросил коротышка. – И какова же она?

– Они хотят вырубить смилодона из мерзлоты и растопить лед перед телекамерами в прямом эфире.

Салли удивленно моргнул, но промолчал.

Маршалл снова повернулся к продюсеру:

– То, что вы заполонили всю базу, помешали нашим исследованиям и вообще относитесь к нам как к приживальщикам, – это одно. Но мы не позволим вам загубить нашу находку.

Конти скрестил на груди руки. Маршалл затылком почувствовал пристальный взгляд Кари Экберг.

– Этот замерзший тысячи лет назад зверь представляет собой крайне важный, возможно, единственный в своем роде объект для всестороннего научного изучения, – продолжал он. – Здесь никакие дешевые фокусы не пройдут. Если вы прилетели только за этим – мне очень жаль, но вы зря потратили время и деньги. Тогда лучше бы вам прямо сейчас собраться и улететь.

Салли, похоже, справился с удивлением и раскрыл рот:

– Но, Эван, тебе вовсе незачем так...

– И еще одно, – сказал Маршалл, не обращая внимания на бормотание Салли. – Я уже говорил мисс Экберг, что в той пещере небезопасно. Вибрация от тяжелого оборудования может обрушить на ваши головы лаву. Так что даже если бы мы и не возражали против этой безумной затеи, то все равно пошли бы наперекор вашему намерению туда сунуться.

Конти выпятил губы:

– Понятно. Что-нибудь еще?

Маршалл уставился на него:

– Разве этого мало? Кота вы не получите. Все очень просто.

Он ждал ответа, но режиссер промолчал и лишь бросил многозначительный взгляд на Вольфа.

Вольф откашлялся и впервые заговорил:

– Собственно, доктор Маршалл, вы правы. Все действительно просто: мы можем делать тут, что захотим.

Маршалл с деревянными желваками на скулах повернулся к нему:

– О чем это вы?

– Мы можем вырубить кота изо льда, а можем разделить его и зажарить, если нам взбредет в голову. У нас есть это право.

Представитель телеканала полез под парку и, вытащив пачку бумаг, протянул ее оппоненту.

Маршалл к ним не прикоснулся.

– Что это? – спросил он.

– Это контракт, который ваш руководитель доктор Салли и глава исследовательского отдела университета Северного Массачусетса подписали с «Терра-Прайм».

Не дождавшись ответа, Вольф продолжил:

– В обмен на финансирование вашей шестинедельной экспедиции «Терра-Прайм» в купе с ее родительской компанией «Блэкпул энтертейнмент груп» получила исключительный и неограниченный доступ не только к месту ваших работ, но и к любым сделанным вами открытиям на свое собственное усмотрение.

Маршалл неохотно взял документ.

– Пункт шестой, – сказал Вольф. – Существенное слово: «неограниченный».

Маршалл быстро проглядел контракт. Все было именно так, как говорил Вольф. Фактически «Терра-Прайм» владела любыми вещественными или интеллектуальными результатами их экспедиции. Однако раньше он и не подозревал, что корпорация-спонсор столь тесно связана с медиагигантом «Блэкпул», и ему это особенно не понравилось, ибо пресловутый гигант стал гигантом, потакая вкусам не очень взыскательной, падкой на сенсации публики. Вольф же явно предполагал, что момент трений когда-нибудь да наступит, и именно потому таскал с собой всюду контракт. Маршалл внимательнее присмотрелся к нему. Даже в меховой парке, этот всегда державшийся в тени малый выглядел сущим ходячим скелетом со своими коротко подстриженными каштановыми волосами и ничего не выражающим неподвижным лицом. Точно так же ничего не выражали и его бледные немигающие глаза.

Маршалл повернулся к Салли:

– И ты это подписал?

Салли пожал плечами:

– Либо так, либо никакой экспедиции вообще. Кто же мог знать, как все повернется?

Маршалл не ответил, внезапно почувствовав, что вот-вот лишится сил. Не говоря больше ни слова, он сложил контракт и вернул его Вольфу.

9

Четверть часа спустя разношерстная людская толпа побрела вверх к пещере. Кроме ученых, самого Конти и небольшого эскорта из его помощников, в нее входили Экберг, двое операторов и звуковик. За ними следовали, кто пешком, кто на вездеходе, коренастые парни в кожаных куртках. Дюжина пар крепких рук. Кузов «Барса» был вмиг загружен чем-то громоздким, лежащим на деревянных поддонах. В составе съемочной группы ребята в кожанках официально не числились: их наняли сравнительно неподалеку, в Анкоридже, на несколько дней для особых работ. Экберг уже объяснял Маршаллу, что главное – это поскорее отснять все, что можно, вживую, поскольку продюсер на месте, звезда в пути, декорации пока сносные, а деньги быстро сгорают.

Обычно подъем к леднику Фир занимал минут двадцать, но на этот раз восхождение затянулось. Конти постоянно останавливался, чтобы операторы могли снять гору, долину, раскинувшийся внизу лагерь и саму группу, поднимающуюся по склону. Один раз он задержался на целых десять минут, задумчиво разглядывая ледник, а потом велел операторам взять крупным планом в кадр Экберг. С различных ракурсов, но не захватывая лицо.

– Почему так? – спросил Маршалл после пятого дубля.

Экберг откинула капюшон:

– Я изображаю Эшли.

Маршалл понимающе кивнул. Эшли Дэвис, ведущая, должна была появиться лишь через два дня, но это нисколько не мешало Конти ее снимать.

– Неудивительно. Время решает все.

– Верно. – Она посмотрела на него через плечо. – Послушайте, мне очень жаль, что все так получилось. Извините, что я вас не предупредила, но у меня на этот счет имелись строгие распоряжения. Исходившие прямо от Вольфа.

– Значит, он тут главный? А я думал – Конти.

– Эмилио отвечает за весь творческий процесс – съемки, освещение, режиссуру, окончательный монтаж. Но деньги выделяет телекомпания, и последнее слово за ней. А здесь, на вершине мира, телекомпанию представляет Вольф.

Маршалл обернулся. Вольф не пошел вместе с ними, но далеко внизу можно было различить его призрачно-крошечную фигурку. Он стоял неподвижно за внешним ограждением базы, наблюдая за группой.

Вздохнув, Маршалл снова повернулся к Экберг:

– Это у вас в порядке вещей? Все время тормозить, озираясь, искать лучший план?

– Не совсем. Конти сейчас тратит пленки втрое больше обычного.

– Почему?

– Потому что он хочет, чтобы этот фильм стал шедевром. Чем-то вроде его «Моны Лизы». И слишком многое ставит на карту.

– Тогда с чего же великий творец карабкается по кручам вместе с прочим нематым сбродом? Разве его место не в вездеходе?

– Ему необходимо «помелькать на площадке», как это у нас говорится. Для последующего фильма о фильме, куда в конечном счете войдут и дополнительные цифровые материалы.

Маршалл недоверчиво покачал головой, глядя на цирк, в который начинала превращаться реальность.

Едва подъем продолжился, к ним приблизился Конти.

– Есть что-нибудь, что нам следовало бы знать? – спросил он Маршалла с уже привычным для того итальянским акцентом.

– О чем?

Продюсер взмахнул рукой:

– Обо всем. Об этих местах, о погоде, о местной фауне... о любой изюминке, которая могла бы украсить проект.

– Таких вещей много. Это удивительный геологический регион.

Продюсер с некоторым сомнением кивнул:

– Я возьму у вас интервью, когда мы вернемся.

Салли, слышавший их разговор, тут же встрял в него:

– Как глава экспедиции, буду рад оказать любую необходимую помощь.

Конти снова с отсутствующим видом кивнул, уставившись на ледник.

Маршалл призадумался, стоит ли рассказать режиссеру о живущих поблизости аборигенах. Вероятно, они идеально подошли бы на роль той «изюминки», которую искал Конти. Однако он тут же выбросил из головы эту мысль. Вряд ли туниты захотели бы – и уж точно совсем не заслуживали, – чтобы шумная беспардонная киногоруппа ворвалась в их селение. Легко догадаться, в какой бы они пришли ужас, если бы вдруг увидели, что творится теперь на горе Фир.

Он покосился на Конти. Составить какое-то впечатление о режиссере было не так-то легко. Несмотря на внешний образ художника, отрешенного от всего мирского, в нем явственно чувствовались и непреклонность, и прагматизм. Этакая невообразимая смесь Трумена Капоте² с Дэвидом Лином.³ Тут кто угодно встал бы в тупик.

Впереди показалась пещера. Ее темный провал загораживали с виду весьма неуклюжие механизмы – подъемный кран на надувных шинах и еще одна машина, предназначение которой оставалось неясным. Выкрашенные в ярко-желтый цвет, они отчетливо выделялись на фоне белого снежного наста и голубого льда. Пока операторы меняли объективы и звукосниматель настраивал переносной микшер, вокруг машин рассыпалась команда в кожанках. Двое парней забрались в кабины, остальные начали снимать с «Барса» груз и стаскивать его к крану. Присмотревшись внимательнее, Маршалл увидел, что из холщовых мешков выглядывают тяжелые стальные опоры с гидравлической регулировкой подъема.

Барбур наблюдала за их работой, сузив глаза, с карманным компьютером на толстой перчатке в одной руке и цифровым диктофоном в другой. К съемочной группе она относилась с еще большим подозрением, чем Маршалл.

– Зачем нужен этот чертов кран, я еще могу догадаться, – пробормотала она. – Но для чего другая хреновина, а?

Маршалл посмотрел на вторую машину, ошетинившуюся оборудованием, напоминавшим средневековые копы.

– Понятия не имею.

– Запишите, – говорил Конти внимательно слушавшей его Экберг. – Мне нужны лишь четыре цвета – белый для снега, лазурный для неба, голубой для ледника, черный для пещеры. Ноктюрн в голубых тонах. Потребуется специальная обработка в лаборатории. – Он бросил взгляд на операторов. – Готовы?

– Готовы, – ответил Фортнем, главный оператор.

– Готовы, мистер Конти, – сказал Туссен, его помощник.

– Вам надо действовать с чрезвычайнейшей осторожностью, – предупредил Маршалл. – Пол пещеры – чистый лед, очень скользкий. И как я уже говорил, лавовые туннели крайне хрупки. Вся ваша затея – безумный риск. Одно неверное движение, и вы обрушите своды.

² Трумен Капоте (1924–1984) – американский романист и новеллист.

³ Дэвид Лин (1908–1991) – британский кинорежиссер, широко признанный в мировом кинематографе.

– Благодарим, доктор Маршалл. – Конти снова повернулся к операторам. – Фортнем, Туссен! Если услышите треск, быстро пройдитесь камерой по всем лицам. Выберите самые испуганные и дайте крупный план.

Операторы тревожно переглянулись, затем кивнули.

Осмотревшись вокруг в последний раз, Конти кивнул Туссену.

– Тишина на площадке! – рявкнул оператор.

Разговоры тут же затихли.

Конти поднял взгляд на пещеру:

– Мотор!

Щелкнула хлопушка, и камеры заработали. Одновременно взревев, двинулись в сторону черного жерла машины. Следом за ними шагали Конти и его свита. Операторы держались позади, стараясь ничего не упустить из поля зрения камер. Маршалл неохотно последовал за процессией, охваченный мрачным предчувствием, что тщеславие исполнительного продюсера станет для всех роковым.

У входа в пещеру машины остановились, и рабочие сняли с платформы крана несколько холщовых мешков. Затем над желтыми кабинами вспыхнули мощные прожектора, выдвинулись захваты, и машины вновь покатались вперед, на этот раз медленнее, исчезая в дыре. Маршалл и остальные побрели следом. Холодный сухой воздух туннеля смешался с выхлопными парами. Стены пещеры ощутимо вибрировали, рев двигателей оглушал. Обернувшись, Маршалл заметил, что, следуя указаниям Крила, широкоплечего бригадира подсобников, парни в кожанках высвобождают из снимаемых с крана мешков опорные стойки и подпирают ими своды подземного хода. Впрочем, особого оптимизма это не добавляло.

Он двинулся дальше. Фонарик не требовался – прожектора машин и камер превратили пещеру в ярко-голубой коридор. Впереди послышался скрежет – одна из машин задела за свод. Маршалл заметил, что даже обычно непробишаемо беспечный Салли поджался и побледнел.

Затем пещера расширилась, свод ушел ввысь, и небольшая людская толпа обступила расчищенное пятно в ледяной толще. Дизели один за другим смолкли, и наступившая тишина на миг сделалась оглушительной. Лед с тихим треском слегка проседал под тяжестью механизмов. Рабочие установили последние из опор и расположились поодаль.

Какое-то время все молчали, глядя на мертвые большие глаза, взиравшие из-под льда на пришельцев. Маршалл обвел взглядом собравшихся. Экберг беспокойно хмурилась. Барбур колдовала над своим карманным компьютером. Конти вперился в мутную толщу – его самоуверенность явно несколько пошатнулась. Фарадей, моргая из-под огромных очков, доставал из карманов измерительные приборы. Салли излучал нечто вроде отеческой гордости.

Наконец Конти пришел в себя.

– Фортнем, Туссен, вы снимаете?

– Да, – ответил главный оператор.

– Сняли ученых?

– Дважды.

– Очень хорошо. – Продюсер повернулся к Салли. – Очертите зверя, пожалуйста.

Салли откашлялся.

– Очертить?

– Пределы блока, который мы примемся вырезать. С запасом – нам не хотелось бы ненароком отхватить ему лапу.

Салли поморщился, но храбро шагнул вперед и, посоветовавшись шепотом с Фарадеем, что-то быстро в уме подсчитал, а потом нацарапал на льду ножом грубый прямоугольник.

– Глубина? – спросил Крил.

Салли посмотрел на Барбур, та заглянула в компьютер.

– Два метра семьдесят сантиметров, – сказала она.

Крил повернулся к человеку, сидевшему за пультом машины.

– Пусть будет два восемьдесят.

Пещера снова наполнилась ревом дизелей и облаками выхлопных газов. Под объективами камер еще один рабочий с помощью дистанционного пульта подвел механическую руку странного вида комбайна ко льду, после чего медленно опустил ее на проведенную климатологом линию.

– Всем отойти назад! – крикнул Крил.

На конце инструмента вспыхнул ярко-красный луч, лед под которым тут же вскипел.

– Военный лазер, – сказал Конти. – Очень мощный, но при этом намного точнее резца ювелира.

Все наблюдали, как лазер медленно прорезает пазы в грязно-коричневом льду. Один из рабочих включил переносной компрессор, установленный на платформе, и, поднося накопчик шланга к быстро увеличивающимся канавкам, начал откачивать талую воду, сливая ее в глубины пещеры. Маршаллу все это напоминало работу некой чудовищной бормашины, и хотя ученый в нем бунтовал против самой мысли о столь бесцеремонном извлечении уникального образца из своей ледяной матрицы, он ощутил немалое облегчение при виде того, до каких тонкостей продуман процесс.

Через двадцать минут все закончилось. Прямоугольник, нацарапанный на льду Салли, очертили четкие прорезы – сверху и снизу шириной в дюйм, а с боков где-то в шесть дюймов. Во время короткого перерыва вперед вышел Чен и с помощью дистанционного датчика удостоверился, что канавки достаточно глубоки. Затем лазер убрали, и из машины выдвинулась другая механическая рука. На ее конце крепилось нечто похожее на металлическую кишку, опять напомнившее Маршаллу бормашину. Издав жужжащий звук, рука пришла в движение.

– Что это? – спросил он у Крила.

– Гибкий бур, – крикнул бригадир сквозь шум. – С алмазно-кремниевым наконечником.

Устройство медленно вошло в один из широких пазов. Жужжание усилилось – бур вгрызся в древний лед девятью футами глубже. В другой паз нырнул шланг, и талая вода вновь хлынула на пол пещеры. Рядом повисла еще одна механическая рука, готовая, если будет нужда, поддержать ледяной параллелепипед.

На отсечку торца времени ушло меньше, и через десять минут бур вернулся. По знаку Крила рабочие завели в пазы толстые брезентовые ремни и зацепили их двумя крюками.

Конти снова посмотрел на Фортнема и Туссена.

– Мне нужен хороший кадр. Причем с первой попытки.

Фортнем заглянул в объектив, проверил звук и кивнул.

Конти опустил на четвереньки, вглядываясь в лед и чуть ли не вода по нему носом. Фортнем снимал каждое движение режиссера.

– Поехали, – наконец сказал Конти, вставая.

Объектив у него на шее слегка покачивался, словно подчеркивая, кто тут самый главный.

Крил взмахнул рукой. Вновь взревели машины, заработала установленная на платформе лебедка. Послышался лязг натягивавшихся тяжелых цепей, прикрепленных к крюкам. Несколько мгновений все молча слушали, как воет двигатель и трещит не желающий отдавать свое лед. Затем с негромким скрежетом, от которого, казалось, содрогнулась сама гора, огромный блок начал выпрастываться из толщи.

– Аккуратнее, – сказал Крил.

Конти посмотрел на Фортнема:

– Возьмите в кадр оборудование. Снимайте нежно, с любовью. Ведь именно оно извлекает наше сокровище из ледяной тюрьмы.

Медленно, очень медленно зверь покидал ложе, на котором покоился тысячи лет. Ученые придвинулись ближе, обмениваясь замечаниями и поспешно делая записи. Маршалл стоял вместе с остальными, не отводя от происходящего взгляда. Ледяной блок выглядел полностью непрозрачным и даже грязным в безжалостном сиянии прожекторов. Внутри его будто бы что-то клубилось, а огромные грани к тому же покрывало множество крошечных, правильной формы бороздок, пробитых лучом. «Господи, – подумал Маршалл, невольно захваченный зрелищем. – Эта махина весит не менее четырех тонн!»

Стрела крана поднималась все выше и выше, пока верхушка ее не ткнулась в лавовый свод. Какая-то цепь дала слабину, и блок, повисший было свободно, резко накренился, царапнув углом заснеженный пол и едва не задев Фарадея, настраивавшего эхолокационный спектрометр. Все бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног.

– Выравнивайте! – крикнул Крил.

Лебедка протестующе заскрежетала – оператор увеличил мощность до максимума. Блок наклонился, сильно раскачиваясь, затем медленно опустил торцом на пол пещеры. Оператор крана на мгновение уменьшил мощность, после чего медленно и осторожно снова поднял ледяной брус, развернул и опустил на платформу. Послышалось резкое шипение гидравлических амортизаторов. Под объективами камер несколько рабочих закрепили блок на машине и набросили на него тяжелый изолирующий брезент. Через несколько минут все завершилось – машины двинулись в обратный путь по туннелю, бесчисленные опоры снимали и укладывали в мешки. Замороженный зверь ехал к хранилищу-холодильнику, где ему предстояло покоиться взаперти, пока не придет время растопить лед и непосредственно в прямом эфире показать финал этой акции миллионам.

Кonti с нескрываемым удовлетворением окинул взглядом туннель.

– Берем отъезжающую технику в кадр, – сказал он Фортнему. – Триумфальное продвижение к выходу, затем спуск к базе. Снимите побольше материала. И на том закончим.

Он повернулся к Маршаллу:

– Итак, интервью.

10

Когда они вновь оказались в приятно обволакивающем тепле вестибюля, Конти кивком повелел звукооператору и Туссену остаться с ним, затем поглядел на Маршалла.

– Мы могли бы побеседовать в вашей лаборатории?

– Идемте.

Маршалл повел небольшую группу вниз по центральной лестнице и широкому коридору, после чего свернул направо и остановился у полуоткрытой двери.

– Это здесь.

Конти заглянул внутрь и быстро осмотрел помещение.

– Это ваша лаборатория?

– Да, а что?

– Слишком тут пусто. Где все оборудование? Образцы? Пробирки?

– Мои образцы хранятся в холодильной камере дальше по коридору. Мы выделили отдельные помещения для научного оборудования, хотя большая часть его осталась в Вуберне. Основная задача данной экспедиции – наблюдения и сбор образцов, анализ будет позже.

– А пробирки?

Маршалл слегка улыбнулся:

– Палеоэкологам пробирки ни к чему.

Конти ненадолго задумался.

– Я заметил более подходящую лабораторию несколькими дверями раньше.

– Подходящую? – переспросил Маршалл.

Но Конти уже шел назад по коридору, ведя за собой звукооператора и оператора. Пожав плечами, Маршалл двинулся следом.

– Здесь.

Конти остановился у входа в помещение, где каждую горизонтальную плоскость заполняли бумаги, распечатки, пластиковые контейнеры для образцов и приборы.

– Но это лаборатория Райта, – возразил Маршалл. – Не станем же мы разговаривать там.

Конти поднес к глазу висевший у него на груди объектив, разглядывая сквозь него Маршалла.

– А почему?

Маршалл заколебался, вдруг осознав, что, собственно, нет никаких причин, по которым они не могли бы воспользоваться лабораторией Фарадея.

– В таком случае... почему бы вам не взять интервью у него?

– Потому что, доктор Маршалл, – как бы вам это объяснить поделикатнее? – доктор Фарадей не слишком киногеничен. У вас же вид истинного ученого. Так мы можем продолжить?

Маршалл снова пожал плечами, обнаружив, что не так-то легко возражать человеку, который рассматривает тебя сквозь диковинный объектив.

Конти, не отрываясь от объектива, вошел в помещение и показал Туссену, где расположить камеру. Тот прошел в заднюю часть лаборатории, звукооператор за ним.

– Доктор Маршалл, – сказал Конти, – мы хотим снять, как вы входите и садитесь за стол. Готовы?

– Думаю, да.

Конти опустил объектив.

– Мотор.

Заработала камера. Маршалл вошел в лабораторию и остановился, увидев грудку бумаг на стуле Фарадея.

– Стоп! – Конти смахнул бумаги на пол и опять выставил Маршалла в коридор. – Попробуем еще раз.

Маршалл снова вошел в лабораторию.

– Стоп! – рявкнул Конти, хмуро глядя на него. – Не идите как на прогулке. В каждом вашем шаге должно чувствоваться волнение. Вы только что совершили выдающееся открытие.

– И какое же это открытие?

– Саблезубый тигр, конечно. Пусть зрители ощутят ваш энтузиазм. Пусть они поймут с вашей помощью, насколько сенсационна такая находка.

– Не понимаю. Я думал, весь цирк связан только с вытапливанием кота из льда.

Конти закатил глаза:

– Нельзя же занять семьдесят четыре с половиной минуты телевизионного времени только этим. Давайте придерживаться программы, доктор Маршалл. Нам нужно показать всю предысторию обнаружения зверя. Зрители должны на сто процентов поверить в ее подлинность. Мы вскроем хранилище только в конце передачи.

Маршалл медленно кивнул, изо всех сил стараясь уверовать в важность необходимости «придерживаться программы». Несмотря на то что всякого рода искусственность всегда претила ему, он попытался о том позабыть, принося в жертву зрелищности свои принципы и предпочтения. Он еще раз напомнил себе, что Конти – отмеченный множеством наград режиссер, что его «Роковые пучины» стали чуть ли не поворотным событием в современном документальном кино, а также что обращение к миллионной аудитории может оказаться полезным в плане продолжения изысканий.

Короче, он опять вышел за дверь.

– Мотор! – крикнул Конти.

Маршалл с напускной бодростью вошел в лабораторию, уселся за стол и сделал вид, будто что-то выискивает в лежащем на нем ноутбуке.

– Стоп, снято, – сказал Конти. – Намного лучше. – Он обошел вокруг стола. – А теперь я задам вам несколько вопросов без съемок. Затем вы ответите на них перед камерой. Не забывайте, что в окончательной версии вопросы будет задавать Эшли, не я. – Он заглянул в свой блокнот. – Почему бы не начать с объяснений, как вы здесь оказались?

– Конечно. Тому три причины. Во-первых, мы хотели выяснить влияние глобального потепления на субарктическую окружающую среду, особенно на ледники. Во-вторых, для этого нам нужно было найти нетронутое цивилизацией место, чтобы провести сравнительные анализы. В-третьих, нами руководило желание обойтись относительно небольшими расходами. База «Фир» удовлетворяет всем трем условиям.

– Но почему именно эта гора?

– Из-за ее ледника. Изучение отступления ледников – прекрасный способ оценить глобальное потепление. Позвольте, я поясню. Верхняя часть ледника, та, куда падает снег, известна как зона накопления. Нижняя часть, подножие ледника, – зона размыва. Именно там происходит потеря льда из-за таяния. Здоровый ледник обладает большой зоной накопления. А этот ледник – Фир – здоровым не назовешь. Его зона накопления слишком мала. Доктор Салли фиксировал скорость его отступления. На формирование ледника потребовалось десять тысяч лет, но больше всего тревожит то, что он отступил на сто футов всего лишь за последние двенадцать месяцев...

Он замолчал. Туссен опустил камеру, а Конти снова уставился в блокнот. «Время – деньги», – напомнил себе Маршалл.

Конти поднял взгляд:

– Еще раз, каково научное название найденного кота, доктор Маршалл?
– Смилодон.
– И чем питались смилодоны?
– Именно это мы намерены выяснить поточнее. Содержимое его желудка должно показать...

– Спасибо, доктор, я понял. Давайте придерживаться общих тем. Этот кот был хищником?

– Все кошачьи – хищники.
– Они ели людей?
– Полагаю, да. Когда им удавалось кого-нибудь сцапать.

На лице Конти промелькнуло раздражение.

– Не могли бы вы заявить это перед камерой?

Маршалл посмотрел на камеру и, чувствуя себя довольно глупо, сказал:

– Смилодоны ели людей.

– Отлично. А теперь – что вы ощутили, доктор Маршалл, когда обнаружили этого хищника?

Маршалл нахмурился:

– Что я ощутил? Шок. Удивление.

Конти покачал головой:

– Так нельзя говорить.

– Почему? Я действительно был крайне удивлен.

– Полагаете, наши спонсоры платят полмиллиона долларов за минуту лишь затем, чтобы услышать, что вы были удивлены? – Конти на мгновение задумался, затем перевернул блокнот, достал из кармана рубашки маркер и что-то написал на гладкой обложке. – Давайте попробуем так. Я хотел бы услышать, как вы это прочтете. Просто для проверки звука.

Он поднял перед собой блокнот.

Маршалл уставился на написанное.

– Я словно смотрел в сердце тьмы.

– Можно еще раз? Помедленнее и с большим чувством. Смотрите в камеру, не на блокнот.

Маршалл повторил фразу. Конти удовлетворенно кивнул, затем повернулся к помощнику оператора:

– Снято?

Туссен кивнул. Конти повернулся к звукооператору:

– Записано?

– Записано, шеф.

– Погодите минуту, – сказал Маршалл. – Я этого не говорил. Это ваш текст.

Конти развел руками:

– Но он хороший.

Маршалл не выдержал:

– Вас несколько не интересует научная достоверность. Не только научная, вообще никакая. Вам просто хочется сделать хорошее шоу.

– Именно за это мне и платят, доктор. А теперь давайте поговорим о вас. – Конти снова заглянул в блокнот. – Я попросил своих людей кое-что разузнать о членах вашей экспедиции. Ваша история особенно интересна, доктор Маршалл. Вы были офицером, получили Серебряную звезду. Однако вас уволили из армии с лишением всех прав и привилегий. Это правда?

– Даже если да, вряд ли вы станете ожидать, что я стану об этом распространяться.

– Давайте попробуем еще раз. – Конти свел руки. – Университет Северного Массачусетса не отличается – как бы это сказать? – качеством обучения молодых дарований. Каким образом вам удалось получить научную степень, особенно в таком месте?

Маршалл не ответил.

– В армии вы были снайпером. В таком случае почему вы, единственный во всей вашей экспедиции, отказываетесь носить оружие для самозащиты?

Маршалл внезапно встал:

– Знаете что? Поищите себе другого мальчика для битья. Не думаю, что стану отвечать еще на какие-либо вопросы.

Когда Конти открыл рот, собираясь что-то сказать, Маршалл подошел ближе.

– А если попытаетесь хоть о чем-то спросить, я расквашу вашу физиономию об этот стол.

Наступила напряженная тишина. Конти смотрел на него таким же изучающим взглядом, как и перед тем, когда Вольф достал контракт. После долгой паузы он наконец заговорил:

– Позвольте мне кое-что вам объяснить, доктор Маршалл. Я весьма влиятельный человек, и не только в Нью-Йорке или Голливуде. Если решите сделать меня своим врагом, то совершите большую ошибку. – Он стер ладонью надпись с блокнота, затем повернулся к Туссену. – Попытайтесь найти доктора Салли. Что-то мне подсказывает, что он окажется поговорчивей.

11

Поздно ночью Маршалл шел по заваленным древним оборудованием коридорам уровня «В». Зная, что сразу заснуть ему все равно не удастся, он решил совершить уже успевшую войти в привычку ночную прогулку.

Поднявшись по лестнице, он вышел в вестибюль, слыша звенящий звук своих собственных шагов по покрытому частично металлом, частично линолеумом полу. На посту охраны кто-то сидел – с тех пор как прибыла съемочная группа, отвечавший за порядок на базе Гонсалес держал там человека и ночью, несмотря на предельную занятость своих подчиненных. Однако, к удивлению Маршалла, позднюю вахту сейчас нес сам сержант.

Увидев приближающегося Маршалла, Гонсалес кивнул ему. Несмотря на то что этому человеку было под пятьдесят, от него веяло неиссякаемой силой.

– Собрались, как всегда, прогуляться перед сном, док? – спросил он.

– Верно, – ответил Маршалл, слегка сбитый с толку, – он и не подозревал, что Гонсалес знает о ночных вылазках. – Что-то не спится.

– Неудивительно, учитывая, что творит эта братия.

Гонсалес хмуро посмотрел на ученого. Голова его, казалось, росла прямо из плеч, и когда он неодобрительно покачал ею, это далось ему с явным трудом.

– Довольно шумное сообщество, – рассмеялся Маршалл.

– Прошу прощения, док, – усмехнулся Гонсалес, – но шум – самое меньшее из всех зол. Их просто много. Чересчур много. Вдвое больше, чем мы ожидали. Моя база вот-вот развалится. Она давно устарела и в настоящем своем состоянии совсем не рассчитана на такую ораву. Нас всего четверо, и мы просто не успеваем за всеми следить. Сегодня днем Марселин обнаружил еще одного нарушителя, забредшего в запретную зону. В сектор стратегических операций. – Он снова нахмурился. – Меня так и подмывает направить официальную жалобу.

– Скоро станет полегче. Думаю, около десятка из них завтра уже улетят.

Он слышал, что, как только основные съемки будут закончены, рабочих отправят обратно на юг.

– Для меня это не слишком скоро, – проворчал Гонсалес.

Маршалл испытующе посмотрел на него. Гонсалес не без причин называл эту базу своей. Ему, правда, уже светила отставка, однако, по слухам, он провел здесь почти тридцать лет – в полной изоляции и на четыреста миль севернее Полярного круга. Это казалось поразительным – остальные трое солдат, несомненно, спали и видели, когда их отзовут. «Вероятно, – подумал Маршалл, – Гонсалес проторчал тут так долго, что уже не может представить себе жизни где-либо еще. Или, возможно, на что намекала и Экберг, он просто ценит уединение».

Помахав сержанту, он направился к главному выходу. Большой внешний термометр в раздевалке показывал минус пять по Фаренгейту. Открыв свой шкафчик, Маршалл надел парку, вязаный шлем, меховые сапоги и перчатки, после чего пересек тамбур и, толкнув внешнюю дверь, вышел в ночь.

Над каменным пятачком за воротами простиралось бескрайнее звездное небо. Маршалл на мгновение остановился, привыкая к морозному воздуху, затем зашагал в темноту, сунув руки в перчатках в карманы и высматривая под ногами предательские извивы силовых кабелей. Ветер полностью стих, и на снег падали голубоватые отблески растущей луны. Вся съемочная группа вкупе с рабочей командой сейчас находилась на базе – сборные домики и амбарчики были погружены в сверхъестественную тишину. Единственный ноющий звук исходил от энергостанции, словно жаловавшейся на возросшее число потребителей ее мощи.

Остановившись у ограждения, он осторожно огляделся вокруг. С тех пор как ученые прилетели сюда, им на глаза попало по крайней мере полдюжины белых медведей, но сегодня в сиянии звездной ночи нигде не виднелось ни одного темного силуэта, бродящего по бескрайней пустыне или уродливым нагромождениям лавы. Плотнее надвинув капюшон, Маршалл прошел мимо пустой будки охраны, направляясь к нахоженному пути.

Вскоре он уже поднимался по пологой тропе к леднику, оставляя позади облака выдыхаемого им пара. Постепенно его шаги становились все длинней, все размеренней. Еще часок подобной прогулки, и, возможно, он совсем успокоится, а затем и сумеет уснуть, невзирая на шум, какой киношники умудрялись производить даже ночью.

Через пятнадцать минут склон несколько выровнялся. Машин уже не было, и впереди открывался вид на ледник – голубую громаду, словно светившуюся изнутри в лунном свете. А возле нее чернело отверстие уже в лавовой толще...

Он замер, увидев, что там кто-то стоит. Три тени на фоне крошечного мрака.

Замедлив шаг, он подошел ближе. Люди о чем-то переговаривались друг с другом – до него доносились их приглушенные голоса. Услышав шаги, они обернулись, и он с удивлением узнал остальных своих коллег – Салли, Фарадея, Пенни Барбур. Отсутствовал только Чен, аспирант. Казалось, будто некая таинственная сила вдруг привлекла всех наверх.

Увидев Маршалла, Салли кивнул.

– Неплохая ночь для прогулок, – сказал он.

На плече у него висело охотничье ружье.

– Все лучше, чем кошмар там, на базе, – ответил Маршалл.

Он ожидал, что Салли начнет возражать, но ошибся. Климатолог мрачно поморщился:

– Они снимали какую-то сцену в тактическом центре, рядом с моей лабораторией. Не поверишь – изображая при этом нас. Сделали как минимум десяток дублей. Я просто не мог этого вынести.

– Кстати, раз уж зашла речь о фильме, как прошло твое интервью? – спросил Маршалл.

Салли помрачнел еще больше.

– Конти его отменил, не сняв даже ни кадра. Звукооператор пожаловался, будто я – ты только представь себе – глотаю слова.

Маршалл кивнул.

Салли повернулся к Барбур:

– Я же не глотаю слов, правда?

– Эти чертовы придурки вечером уронили файл-сервер, – вместо ответа заявила она. – Поскольку своих ноутбуков им не хватило, они позаимствовали их у нас. Несли какую-то чушь насчет своих «особых прав». Я ничего не могла с ними поделать.

– Когда я пришел на ужин в столовую, там оказалось лишь одно место в углу, – сказал, чтобы что-нибудь сказать, Маршалл.

– По крайней мере, хоть оказалось, – отозвалась Барбур. – А мне пришлось десять минут простоять. Потом я плюнула и забрала с собой в лабораторию чипсы и яблоко.

Маршалл посмотрел на Фарадея. Биолог не участвовал в общих стенаниях. О чем-то задумавшись, он не сводил глаз с пещеры.

– А ты, Райт, что скажешь? – спросил Маршалл.

Фарадей не ответил, продолжая разглядывать темный провал.

Маршалл слегка толкнул его в бок:

– Эй, Фарадей. Очнись.

Фарадей обернулся. Отблеск лунного света падал на линзы его очков, отчего он напоминал жуткоглазого инопланетянина.

– Извини. Задумался.

Салли вздохнул:

- Ладно, выкладывай. Что за безумная гипотеза на этот раз?
- Не гипотеза, просто наблюдение.
- Все молчали, и биолог продолжил:
- Я сделал его вчера, когда смилодона вырезали изо льда.
- Мы тоже там были, – сказал Салли. – И что же?
- Я снял показания эхолокационного спектрометра. Понимаете, прежние данные оказались слишком неточными, и, получив доступ к разрезу, я хотел...
- Понятно.
- Салли махнул рукой в толстой перчатке:
- Ну так вот, я большую часть дня анализировал данные. И они совершенно не соответствуют.
- Не соответствуют чему? – спросил Маршалл.
- Не соответствуют смилодону.
- Не говори глупостей! – бросила Барбур. – Ты же видел его! Как и все мы, и остальные тоже.
- Я мало что смог увидеть сквозь грязный лед. А с помощью эхоанализатора получил куда больше данных.
- И что скажешь? – спросил Маршалл.
- Скажу, что то, что находится внутри ледяного блока, слишком велико для саблезубого тигра.
- Все замолчали, переваривая услышанное. Наконец Салли откашлялся.
- Наверняка это лишь иллюзия. Тебе попало какое-нибудь скопление мусора, может быть песка или гравия, по очертаниям схожее с тушей.
- Фарадей молча покачал головой.
- И насколько оно крупнее? – спросила Барбур.
- Не могу точно сказать. Возможно, вдвое.
- Ученые переглянулись.
- Вдвое? – воскликнул Маршалл. – Так как же оно тогда выглядит? Это что, мастодонт?
- Фарадей снова покачал головой.
- Мамонт?
- Фарадей пожал плечами:
- На основании моих данных можно достаточно точно установить лишь размер. Но не... скажем так, форму.
- Снова наступила тишина.
- У него кошачьи глаза, – тихо проговорила Барбур. – Могу поклясться.
- Мне тоже так показалось, – сказал Маршалл. Он повернулся к Фарадею. – Ты уверен, что в новые данные не вкралась ошибка?
- Я дважды сделал промеры. Проверил, что мог.
- Непонятно, – сказала Барбур. – Если это не смилодон, не мастодонт, не мамонт... тогда что это, черт возьми?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.